

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 6 № 3 2024

Vol. 6 No. 3 2024

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3>
2024. Том 6, № 3
2024. Vol. 6, no. 3

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 3 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

3 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

А. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 1,77 Мб

Подписано к использованию 30.11.2024

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 30.11.2024

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal “Language Studies
and Modern Humanities” and the author(s) of the material
in question.

Редактор М. С. Огуренкова
Корректор Н. А. Синеникольская
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка Д. В. Романовой

Санкт-Петербург, 2024

© Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	139
Лингвистика и прикладные аспекты исследования языка	140
Тимохина Л. Р. Семантическая категория «свой круг» как составляющая сопереживания в религиозном дискурсе	140
Фокина М. С. Взаимодействие линейного и рисуночного письма в англоязычных лингвистических играх	148
Соловьева М. В. Особенности семантики старофранцузского абстрактного прилагательного “iriez” в сочетании с существительным “cuer”	156
Перевод и переводоведение	163
Терецук А. А. Проблема перевода латинских интерференций в тексте военного устава И. Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»	163
Методика обучения иностранным языкам и лингводидактика	172
Богданова К. В. Постредактирование машинного перевода как студенческий проект (на материале художественного текста)	172
Обзоры. Рецензии. Персоналии	184
Прокушева Ю. М. Реализация этнокультурного компонента при обучении английскому языку учащихся, находящихся на уровне среднего общего образования	184

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-Chief	139
Linguistics and applied aspects of language studies	140
<i>Timokhina L. R.</i> The semantic category “own circle” as a component of empathy in religious discourse	140
<i>Fokina M. S.</i> Interaction of linear and pictorial writing in English language games	148
<i>Solovieva M. V.</i> Particularities of semantics of Old French abstract adjective “iriez” in combination with noun “cuer”	156
Practice and theory of translation and interpreting	163
<i>Tereshchuk A. A.</i> The problem of translating Latin interferences in the text of J. J. von Wallhausen’s military charter “Training and skill of military order for infantrymen”	163
Methods of teaching foreign languages and linguodidactics	172
<i>Bogdanova K. V.</i> Post-editing machine translation as a student project, exemplified by literary fiction	172
Reports, reviews, personalities	184
<i>Prokusheva Yu. M.</i> Implementation of the ethnocultural component in teaching English to students at the level of secondary general education	184

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание» продолжает уже сложившуюся традицию публиковать статьи, которые демонстрируют разнообразие проблематики, отражающей антропоцентрический подход к исследованию языка и его усвоению в современной парадигме лингвистического знания.

Так, статья Л. Р. Тимохиной «Семантическая категория “свой круг” как составляющая сопереживания в религиозном дискурсе» посвящена проблеме лингвистической репрезентации оппозиций «мы — они», «свой — чужой» в период социальной нестабильности, когда языковая личность определяет свою идентичность, в том числе и на основе религиозной принадлежности. Семантическая категория «свой круг» рассматривается как составляющая сопереживания в религиозном дискурсе на материале праздничных проповедей двух конфессий — христианства (православие) и ислама.

В статье М. С. Фокиной «Взаимодействие линейного и рисуночного письма в англоязычных лингвистических играх» осуществлен семиотический анализ лингвистических загадок как формы интеллектуального досуга среднестатистического пользователя языка в составлении сообщения и в его интерпретации. Исследование, в частности, показывает, что поликодовое и мультимодальное использование языка в играх как подражание архаичным техникам свидетельствует о тяготении коммуникации к симультанности, о единстве диахронии и синхронии, что подтверждает гипотезу неисчезающего развития.

Автор статьи «Особенности семантики старофранцузского абстрактного прилагательного “iriez” в сочетании с существительным “cier”» М. В. Соловьева не просто обращается к изучению семантической вариативности в словосочетании «имя прилагательное + имя существительное», но также предлагает объяснение сосуществования в рамках одной лексической единицы двух значений, что соответствует установке на экспланаторность и функционализм современной антропоцентрической парадигмы лингвистического знания.

Статья А. А. Терещука «Проблема перевода латинских интерференций в тексте военного устава И. Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» имеет очевидную актуальность, так как исследует межъязыковые и межкультурные (немецко-голландские и голландско-русские) связи, а также специфику переводческих стратегий в разных странах на материале источника, пользовавшегося высоким авторитетом в европейской военной мысли XVII века.

К. М. Богданова приводит в своей статье «Постредактирование машинного перевода как студенческий проект (на материале художественного текста)» подробный анализ данного студентам задания по вычитке и исправлению текста после проведенного машинного перевода с целью выяснения корректности перевода и ручного исправления выявленных огрехов. В рамках проекта студенты привлекаются к очень ответственной работе, тем самым улучшая редакторские навыки, с одной стороны, и способствуя улучшению системы машинного перевода — с другой.

Завершает журнал раздел «Обзоры. Рецензии. Персоналии», в который включена статья учителя иностранных языков средней общеобразовательной школы № 24 Сыктывкара (Республика Коми) Ю. М. Прокушевой «Реализация этнокультурного компонента при обучении английскому языку учащихся, находящихся на уровне среднего общего образования». В статье описывается опыт организации учебной деятельности учащихся, направленной на формирование у них интерлингвокультурной компетенции, позволяющей в процессе реального общения на английском языке описывать факты и явления, связанные с культурой родного края.

Не сомневаюсь, что статьи, вошедшие в третий номер шестого тома журнала, будут интересны нашим читателям.

*Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор*

УДК 81'42

EDN LXHOTS

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-140-147>

Семантическая категория «свой круг» как составляющая сопереживания в религиозном дискурсе

Л. Р. Тимохина ¹

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Сведения об авторе

Лилия Рахимжановна Тимохина,
SPIN-код: 1878-1287,
e-mail: timokh5572@mail.ru

Для цитирования: Тимохина, Л. Р. (2024) Семантическая категория «свой круг» как составляющая сопереживания в религиозном дискурсе. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 3, с. 140–147. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-140-147>
EDN LXHOTS

Получена 29 мая 2024; прошла рецензирование 24 августа 2024; принята 4 сентября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Л. Р. Тимохина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация.

Постановка проблемы. В статье анализируется семантическая категория «свой круг» как составляющая сопереживания в религиозном дискурсе на материале праздничных проповедей двух конфессий — христианства (православие) и ислама. Феномен сопереживания рассматривается в двух реализациях: сострадании и сорадовании, — каждая из которых актуализируется при определенных условиях. Неотъемлемая составляющая сопереживания — принадлежность к своему кругу. В настоящий момент проблема религиозного дискурса разработана достаточно подробно, однако сравнительные межконфессиональные исследования в области лингвистики немногочисленны.

Цель статьи — определить компонентное содержание феномена сопереживания, на эмпирическом материале проповедей выявить коммуникативные особенности и лексические средства реализации семантической категории «свой круг» как составляющей сопереживания. **Результаты исследования.** В результате анализа праздничных проповедей было установлено, что одним из компонентов сопереживания в религиозном дискурсе является семантическая категория «свой круг», которая выражается лексическими средствами, создающими эффект принадлежности (притяжательными местоимениями, терминами родства, лексемами совместимости, эпитетами), специальной религиозной лексикой, лексикой возвышенного стиля и архаичной лексикой, а также актуализируется коммуникативными тактиками акцентирования избранности, поддержки и одобрения, призыва к оптимизму и вере в лучшее, апелляции к истории, к авторитету, похвалы, перечисления достижений, благопожелания.

Заключение. Проанализированный эмпирический материал проповедей двух конфессий определяет феномен сопереживания как состоящий из двух компонентов: сострадании и сорадования. Одна из важнейших составляющих сопереживания — принадлежность к своему кругу. Семантическая категория «свой круг» характеризуется определенными языковыми средствами выражения и актуализируется через коммуникативные тактики, направленные на формирование принадлежности к группе.

Ключевые слова: религиозный дискурс, сопереживание, эмпатия, сорадование, сострадание, семантическая категория «свой круг», коммуникативные тактики

The semantic category “own circle” as a component of empathy in religious discourse

L. R. Timokhina ¹

¹Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev,
89 Ady Lebedevoy Str., Krasnoyarsk 660049, Russia

Author

Liliya R. Timokhina,
SPIN: 1878-1287, e-mail:
timokh5572@mail.ru

For citation: Timokhina, L. R. (2024) The semantic category “own circle” as a component of empathy in religious discourse. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 140–147. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-140-147>
EDN LXHOTS

Received 29 May 2024; reviewed 24 August 2024; accepted 4 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. R. Timokhina (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes the semantic category “own circle” as a component of empathy in religious discourse represented by holiday sermons of the two religions — Christian (Orthodox) and Islam. The phenomenon of empathy falls into two subdivisions: “sostradanie” (‘compassion’) and “soradovanie” (‘co-rejoicing’), each requires definite conditions for building. The essential component of empathy is belonging to our own circle. The religious discourse has been researched by numerous scholars but there is a lack of linguistic inter-denominations research.

The purpose of the article is to define the elements of empathy phenomenon, to describe communicative features and the lexical means representing the semantic category “own circle” as a component of empathy.

Research results. The analysis of holiday sermons resulted in defining the semantic category “own circle” as a component of empathy. This category is expressed with lexical means creating the belonging effect (possessive pronouns, family terms, unity vocabulary, epithets), special religious vocabulary, high vocabulary and archaic vocabulary. This category is implemented through the communicative tactics of emphasizing chosenness, support and approval, appeal to optimism and hope for the better, appeal to history, authority, praise, achievement description, benevolence.

Conclusion. The analysis of the different denominations sermons revealed that empathy phenomenon falls into two sub-divisions: compassion and co-rejoicing. One of essential components of empathy is belonging to our own circle. The semantic category “own circle” is expressed with certain language means and implemented through communicative tactics for building the group belonging.

Keywords: religious discourse, empathy, co-rejoicing, compassion, semantic category “own circle”, communicative tactics

Постановка проблемы

Современное общество вступило в эпоху толерантности, когда мир отличается терпимостью к разным культурам и разным верованиям. В то же время человеку присуще стремление найти «свой круг людей» и объединиться с ними. В настоящее время при активном использовании социальных сетей люди подписываются и вступают в разные группы, которые объединяют их по интересам, по верованиям, по социальному опыту и даже по этнической принадлежности.

Ю. С. Степанов полагает, что дихотомия «свои — чужие» является одной из базовых культурных констант (Степанов 2004, 126). А. В. Шипилов четко противопоставляет своих и чужих, определяя, что «они», «чужие» — это абсолютное зло, это от «них» приходит все плохое, включая саму смерть — и наоборот: «приятное — это соответствующее “нашему”

(наличному или потенциальному), неприятное — “чужому”» (Шипилов 2008, 12).

Религиозный дискурс, являясь одним из типов институционального дискурса, характеризуется сходством с политическим дискурсом, что отмечают исследователи Е. В. Бобырева (Бобырева 2007), Е. И. Шейгал (Шейгал 2000), В. И. Карасик (Карасик 2002). Одна из функций религиозного дискурса (а также политического) — гармонизация (консенсус). М. В. Крылова называет эту функцию интеграцией (Крылова 2013). Гармонизация (или интеграция) направлена на создание чувства единства и поддержки, принадлежности к группе.

Е. А. Кожемякин отмечает, что «интеграция на основе единства веры в религиозном дискурсе достигается также за счет противопоставления групп “своих” и “чужих”. <...> Данное противопоставление <...> оказывает нормирующее воздействие на сознание и поведение

индивидов, поскольку оно, как правило, носит оценивающий характер, определяя “чужие” догмы как неверные или опасные, а “свои” законы — как единственно верные и полезные» (Кожемякин 2011, 36).

И. Н. Щукина, С. Д. Фишбеин в качестве средства гармонизации выделяют отождествление адресата и адресанта, что выражается «различными дейктическими единицами, обозначающими отношения “священнослужитель — паства”, а именно местоимениями 1 и 2 лица, множественного числа» (Фишбеин 2012, 196). Е. И. Шейгал среди маркеров принадлежности к группе отмечает: «инклюзивное “мы”, лексемы совместимости (вместе, все, наш, единство, единый блок, союз, объединение), лексические единицы с компонентом совместимости, выступающие в функции вокатива с коннотацией “я свой” — друзья, товарищи, братья и сестры, формулы причастности (я, как и все)» (Шейгал 2000, 161).

М. В. Крылова выделяет также ведущую тему «семья» как единицу интеграционных стратегий, полагая, что «эффект воздействия усиливается за счет сравнения жизни людей не только с сообществом, но и с семьей» (Крылова 2013, 15).

Кроме того, среди средств гармонизации отмечают употребление специальной религиозной лексики. Е. В. Бобырева называет это языком для посвященных (Бобырева 2007, 11) Такой же позиции придерживается Е. И. Шейгал: «специальный язык непонятен для непосвященных, так как предназначен “для внутреннего употребления”, для общения “своих” и исключения “чужаков”». (Шейгал 2000, 79)

Е. Е. Анисимова выделяет наличие религиозной компетенции, под которой понимает «наличие у индивидуума знаний, навыков и умений, необходимых ему для принятия христианского вероучения, осуществления религиозной коммуникации, участия в культовом действии и жизни церкви. <...> К лингвистическому компоненту религиозной коммуникации могут быть отнесены знание / владение конфессиональной лексикой, формулами общения в церкви, основными видами и жанрами религиозного дискурса и др.» (Анисимова 2019, 2).

В определении данной категории исследователи оперируют понятиями «свои» и «чужие». Крайне редко употребляется термин «мы-группа» (Иссерс 2022, 160).

А. В. Шипилов рассматривает разницу оппозиций «свои — чужие» / «мы — они» в следующем ключе: «наиболее понятное различие оппозиций “мы — они” и “свои — чужие” заключается в позиции наблюдателя: в первом случае он безус-

ловно отождествляет себя с группой, в другом помещает себя несколько в иной плоскости, переводя противопоставление в сопоставление». Исследователь отмечает, что «оппозиция “свои — чужие” выступает вариантом инвариантной оппозиции “мы — они”, и мы скорее можем понять первую из второй, чем наоборот» (Шипилов 2008, 13–14). Таким образом, оппозиция «мы — они» является более широким образованием чем «свои — чужие».

Обратившись к словарным дефинициям Толкового словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, мы установили следующие значения данных лексем:

они: указывает на (обычно ранее упомянутые) предметы (лица) во множественном числе, к которым говорящий не относит ни себя, ни адресатов высказывания;

чужой: — не свой, не собственный, принадлежащий другим,
— не родной, не из своей семьи, посторонний,
— далекий по духу, по взглядам» (Ожегов, Шведова 2006).

Они — это «не мы» (другие), а чужие — «посторонние, не родные» (иные). В своем исследовании мы употребляем термины «свой круг» и «мы-группа» как синонимичные. Однако в реалиях современного толерантного мира нам кажется более уместным говорить о противопоставлении «мы — они», так как данное противопоставление не подразумевает конфликта (как в случае «свои — чужие»), а лишь различия картин мира.

Результаты исследования

В данной статье мы анализируем феномен сопереживания в религиозном дискурсе на материале следующих праздничных проповедей:

1. Патриаршее слово Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после великой вечерни в праздник Рождества Христова 7 января 2024 г. (далее в примерах — патриарх) (Патриаршее слово... 2024).
2. Рождественское обращение святейшего Патриарха Кирилла к телезрителям 7 января 2024 г. (далее в примерах — телеобращение) (Рождественское обращение... 2024).
3. Обращение с архипастырским словом митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеймона 7 января 2024 г. (далее в примерах — митрополит) (Владыка Пантелеимон... 2024).

4. Праздничная проповедь заместителя председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, муфтия Москвы Ильдара хазрата Аляутдинова в день Ид аль-Адха (Курбан-байрам) в Московской Соборной мечети 28 июня 2023 г. (далее в примерах — зам. предс. ДУМ) (Курбан-байрам... 2023).
5. Обращение муфтия Красноярского края Гаяза-хазрата Фаткуллина с поздравлениями в связи с Курбан-байрамом 28 июня 2023 г. (далее в примерах — муфтий Кр. края) (Муфтий Красноярского края... 2023).

Условиями возникновения сопереживания мы определяем: 1) наличие общих ценностей, 2) принадлежность к «своему кругу» (искренние отношения) (Тимохина 2024). Данные условия являются общими для обеих форм сопереживания.

Среди способов формирования категории «свой круг» мы выделяем употребление лексических средств и применение коммуникативных тактик.

Лексические средства формирования категории «свой круг»

На лексическом уровне выделяются:

— эпитеты:

чудесные события (патриарх); *светлый праздник*; *нескончаемая награда*; *истинное значение*; *безграничное доверие и любовь*; *праведный путь* (муфтий Кр. края); *величайший праздник*; *светлый и значимый праздник*; *благословенный день*; *Великий праздник*; *священные земли*; *священный месяц*; *заповедный город*; *великий хадж*; *вечные ценности*; *непоколебимая и вечная истина*; *истинный духовный путь* (зам. предс. ДУМ);

— местоимения первого лица множественного числа:

наших грехов; *нашего несовершенства нашего народа*; *город наш и Церковь нашу* (патриарх); *нашего праотца*; *это событие мы отмечаем всем миром* (муфтий Кр. края); *мы отмечаем*; *внутри нашего государства*; *мы получаем множество поздравлений*; *наш межконфессиональный и межнациональный мир* (зам. предс. ДУМ);

— лексемы совместимости:

которые мы проходили вместе (муфтий Кр. края); *священные узы*, *объединяющие все человечество*; *единство и братство*; *единство и сплоченность* (зам. предс. ДУМ);

— лексемы принадлежности к «семье»:

братья и сестры; *отцы* (митрополит); *дорогие мусульмане*; *даря радость родным и близким, соседям и нуждающимся* (муфтий Кр. края); *уважаемые единоверцы, соотечественники* (зам. предс. ДУМ);

— религиозная лексика:

святых апостолов; *слово Господа*; *диавол*; *новый Израиль*; *многие лета*; *Рождество*; *Евангелие*; *пастыри Церкви* (митрополит), *храм*; *ковчег*; *благочестивый*; *приход*; *чудо Божие*; *Патриарх*; *епископат*; *преосвященные Владыки*; *первопрестольный град*; *воцерковление*; *Евангельский завет* (телеобращение); *священная Мекка*; *праздник жертвоприношения*; *Курбан-Байрам*; *Ид аль-Адха мубарак*; *по милости Всевышнего*; *праотец Пророк Ибрахим*; *Священный Коран*; *сура*; *аят*; *Исмаил*; *иблис*; *праведный путь*; *Аллах Всемилостивейший и Милосердный*; *паломничество*; *хадж*; *столи Ислама*; *Кааба*; *святая земля*; *дуа и молитвы*; *паломники* (муфтий Кр. края); *Муфтий*; *Мекка и Медина*; *мечеть*; *Намаз*; *проповедь*; *обряд*; *Тальбий*; *милость*; *благоденствие*; *стояние в долине Арафат*; *Судный день*; *святой Коран*; *прегрешения*; *душа*; *праведность*; *вечность*; *Создатель*; *Адам и Ева*; *Единый Творец*; *раб Божий*; *умма Мухаммада*; *посланник Божий*; *минбары мечетей*; *хадисы*; *участники Битвы у рва*; *хиджра*; *племя Курайза*; *сабр* (терпение); *верующий* (му'мин); *Божественное откровение*; *Исмаил*; *каменные истуканы*; *ангел Джабраил*; *покровитель*; *Всевышний*; *жертвоприношения* (зам. предс. ДУМ);

— лексика высокого стиля, архаичная лексика:

дабы (митрополит), *церковь* именуется *Солнцем Правды*; *благодатна*; *блаженная вечность*; *доколе* (телеобращение); *на Руси*; *пред лицом Божиим*; *горнило* (патриарх), *благоволение* (зам. предс. ДУМ).

Коммуникативные тактики формирования категории «свой круг»

Среди коммуникативных тактик формирования категории «свой круг» мы выделяем следующие:

— акцентирование избранности:

Бог с нами, уже тысячу лет Господь не покидает Русь. А наша Сибирь — райский уголок земли, отданный православному человеку (митрополит); *каждый христианин призван нести в себе отблеск Солнца Правды* (телеобращение); *информация о том, что у нас строятся сотни храмов, приводит в шок наших, как говорят, партнеров на Западе, где храмы, к сожалению, закрываются и перепрофилируются* (патриарх); *особое место*

в истории Ислама; мудрость Аллаха (муфтий Кр. края); *благодаря единству и сплоченности внутри нашего государства мы получаем множество поздравлений от представителей разных культур и религий, что подчеркивает наш межконфессиональный и межнациональный мир* (зам. предс. ДУМ);

— поддержка и одобрение:

в Сибири наполняются храмы, Бог наш — это истинный свет и любовь (митрополит); подобно тому как в эти дни миллионы наших единоверцев собрались на священных землях Мекки и Медины с тем, чтобы исполнить один из пяти столпов Ислама, также мусульмане во всем мире ранним утром устремились к мечетям, преисполненные желанием вместе совершить намаз, прослушать проповедь <...>; после прочтения этого хадиса в душе укрепляется чувство спокойствия и умиротворения. И кажется, что ты — самый счастливый человек в этом мире; мусульманин всегда доволен Аллахом, в какой бы ситуации он ни оказался, ибо он верит в Его милость и полагается на Него. Если Аллах не отвечает на молитвы сиюминутно, то будьте уверены, даже в этом скрыта высшая мудрость. Верующий не забывает, что Всевышний в конечном счете воздаст ему благом в обоих мирах. Ведь Он вознаграждает терпеливых и Он не нарушает Своих обещаний (зам. предс. ДУМ);

— призыв к оптимизму и вере в лучшее:

но мы верим, что Бог победит и мир восторжествует. Вновь расцветёт весь Русский мир, будет он торжествовать и сохранять всё окружающее (митрополит); я ничуть не сомневаюсь, что, если Господь даст всем нам силы, мы доведем до конца эту замечательную Программу строительства новых храмов. И если действительно будет так в масштабах всей страны, то Россия будет непобедима во всех смыслах этого слова (патриарх); надежда, безопасность, удовлетворенность и внутреннее спокойствие — это те плоды, которые человек верующий пожинает, обладая полноценной верой в сознании и душе (зам. предс. ДУМ);

— апелляция к авторитету (цитаты из Евангелия, Корана):

«душа, пей, веселись, все у тебя есть» (см. Лк. 12:19) (Патриарх); «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего Небесного» (см. Мф. 5:16) (телеобращение); «Смута хуже и пагубнее, чем убийство» (см. Св. Коран, 2:217) (зам. предс. ДУМ); «Ни мясо, ни кровь их не достигают Аллаха. Достигает Его лишь ваша богобоязненность» (см. Сура «Паломничество», аят 37) (муфтий Кр. края);

— апелляция к истории:

приняли ту эстафету жертвенного служения Церкви, которую несли предыдущие поколения; а народ наш благочестивый, наше духовенство старшего поколения вынесли эти испытания и привели церковный ковчег в тихую гавань. Мы никогда не должны забывать духовный подвиг нашего духовенства, наших верующих людей, которые в трудные годы борьбы с Церковью огромной государственной машины сохранили веру и передали ее следующим поколениям. Опираясь на веру, народ наш совершал чудеса, побеждал в битвах, строил великую державу. И дай Бог, чтобы замечательные героические страницы нашей церковной истории, истории созидания Святой Руси, продолжали записываться делами нынешних поколений. И мы будем продолжателями этих замечательных свершений (патриарх); стояние паломников во время хаджа проходит именно в долине Арафат — том месте, где много веков назад встретились Адам и Ева — прародители всего человечества, кроме этого, именно на горе Арафат была прочитана прощальная проповедь пророка. Жертва сыном была заменена жертвенным животным, а Ибрахимому было даровано благополучное рождение второго сына — Исхака (зам. предс. ДУМ);

— похвала:

страшные гонения, разрушение храмов, преследование верующих. <...> Кто бы мог выдержать все это, не дрогнуть, не отказаться от своей веры или не уйти в подполье? (патриарх);

— перечисление достижений:

В первую очередь это касается города Москвы — нет ни одного мегаполиса в мире, где бы строилось и открывалось столько новых храмов. Мы построили больше двухсот храмов за это короткое время. Еще раз хочу сказать: это ведь не только церковные здания, это не только службы. Храмы объединяют людей, объединяют молодежь, и в нашей Церкви происходит то, чего мы даже помыслить не могли в советское время. Создаются реальные общины, в которых, помимо богослужений, совершается много добрых дел, ведется социальная работа, образовательная работа с молодежью (патриарх);

— благопожелание (Смолина 2014):

Да благословит Господь наш Красноярск, всю нашу Сибирь, и Господи — пошли любовь к детям, дабы они славили Твое имя и радовали своих родителей (митрополит), сегодня мне больше всего хочется пожелать, чтобы каждый дом, каждую семью, каждое сердце озарил просвещающий, обновляющий, согревающий и преображающий

свет Христова Рождества. Чтобы мы делились друг с другом этим немеркнущим теплым светом истинной веры, непоколебимой надежды и подлинной любви, творя добрые дела, утешая и поддерживая тех, кто нуждается в нашей помощи и участии, а значит, наполняя жизнь непреходящим смыслом, радостью, счастьем и миром (телеобращение); да хранит Господь землю нашу, страну нашу, город наш и Церковь нашу, Исповедницу, прошедшую через горнило жесточайших жизненных обстоятельств и гонений. Дай Бог, чтобы церковная жизнь процветала новыми добродетелями и новыми духовными подвигами. И да помогает всем нам Господь на этом пути дальнейшего духовного возрождения нашего народа и нашей страны (патриарх); Да примет Всевышний Аллах наши жертвоприношения и дарует нескончаемую награду. Да примет Всевышний Хадж тех, кто сегодня находится на Святой Земле, наши дуа и молитвы! (муфтий Кр. края); пусть Всевышний примет наши молитвы, дуа и жертвоприношения (зам. предс. ДУМ).

Выводы

Анализ представленного языкового материала праздничных проповедей двух религий — христианства и ислама — определяет семантическую категорию «свой круг» как составляющую сопереживания в религиозном дискурсе. Эта

семантическая категория представлена следующими лексическими средствами: эпитетами, местоимениями первого лица множественного числа, лексемами совместимости, лексемами принадлежности к «семье», религиозной лексикой, а также лексикой высокого стиля, архаичной лексикой. Коммуникативные тактики, применяемые для формирования категории «свой круг» — акцентирование избранности, поддержка и одобрение, призыв к оптимизму и вере в лучшее, апелляция к авторитету, апелляция к истории, похвала, перечисление достижений, благопожелание. Лексические средства и коммуникативные тактики, реализующие семантическую категорию «свой круг» являются общими для двух конфессий, особых отличий в анализируемых проповедях не было выявлено.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Владыка Пантелеимон: Вновь расцветет весь Русский мир, будет он торжествовать и сохранять всё окружающее. (2024) *Красноярская епархия Русской Православной Церкви*. [Электронный ресурс]. URL: <https://kerpc.ru/media/arhipastyr/proповеди/145224> (дата обращения 24.03.2024).
- Курбан-байрам 2023. Праздничная проповедь в Московской Соборной мечети. (2023) *Духовное управление мусульман Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://dumrf.ru/islam/sermon/22252> (дата обращения 26.03.2024).
- Муфтий Красноярского края обратился к мусульманам с поздравлениями в связи с Курбан-байрамом из Священной Мекки. (2023) *Ислам в Сибири*. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamsib.ru/news/1440-muftij-krasnoyarskogo-kraya-obratilsya-k-musulmanam-s-pozdravleniyami-v-svyazi-s-kurban-bajramom-iz-svyashchennoj-mekki> (дата обращения 28.03.2024).
- Патриаршее слово после великой вечерни в праздник Рождества Христова. (2024) *Русская Православная Церковь*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6092378.html> (дата обращения 24.03.2024).
- Рождественское обращение святейшего Патриарха Кирилла к телезрителям. (2024) *Русская Православная Церковь*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6091408.html> (дата обращения 24.03.2024).

Словари

- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (2006) *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. М.: А ТЕМП, 938 с.

Литература

- Анисимова, Е. Е. (2019) *Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты*. М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 240 с.

- Бобырева, Е. В. (2007) *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения)*. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Волгоград, Волгоградский государственный педагогический университет, 45 с.
- Иссерс, О. С. (2022) *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: Ленанд, 308 с.
- Карасик, В. И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 477 с.
- Кожмякин, Е. А. (2011) Религиозный дискурс: методология исследования. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, № 2 (97), вып. 15, с. 32–47.
- Крылова, М. В. (2013) *Стратегии речевого воздействия в дискурсе англоязычного протестантизма*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Волгоград, Волгоградский государственный университет, 23 с.
- Смолина, А. Н. (2014) Благопожелание в современном российском православном телевизионном дискурсе (на материале передачи «Церковный календарь» с о. Евгением Попиченко). *Экология языка и коммуникативная практика*, № 1, с. 161–173.
- Степанов, Ю. С. (2004) *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд. М.: Академический проект, 992 с.
- Тимохина, А. Р. (2024) Сформированность эмоциональной компетенции у студентов педагогического вуза в аспекте эмпатических переживаний. В кн.: И. А. Майер (ред.). *Теория и методика преподавания иностранных языков в условиях поликультурного общества: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции*. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, с. 187–193.
- Шейгал, Е. И. (2000) *Семиотика политического дискурса. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук*. Волгоград, Волгоградский государственный педагогический университет, 431 с.
- Шипилов, А. В. (2008) «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 566 с.
- Фишбеин, С. Д. (2012) Вербальные средства гармонизации в религиозном дискурсе (на материале современных православных проповедей). В кн.: Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, И. В. Ермолаева (ред.). *Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд. Сборник статей по материалам II Всероссийской студенческой научной конференции*. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, с. 215–220.

Sources

- Kurban-bajram 2023. Prazdnichnaya propoved' v Moskovskoj sobornoj mecheti [Eid al-Adha 2023. Holiday sermon in Moscow Cathedral Mosque]. (2023) *Dukhovnoe upravlenie musul'man Rossijskoj Federatsii*. [Online]. Available at: <https://dumrf.ru/islam/sermon/22252> (accessed 26.03.2024). (In Russian)
- Muftij Krasnoyarskogo kraja obratilsya k musul'manam s pozdravleniyami v svyazi s Kurban-bajramom iz Svyashchennoj Mekki [The Mufti of Krasnoyarsk Krai addressed Muslims with congratulations on Eid al-Adha from the Holy Mecca]. (2023) *Islam v Sibiri*. [Online]. Available at: <http://islamsib.ru/news/1440-muftij-krasnoyarskogo-kraja-obratilsya-k-musulmanam-s-pozdravleniyami-v-svyazi-s-kurban-bajramom-iz-svyashchennoj-mekki> (accessed 28.03.2024). (In Russian)
- Patriarshee slovo posle velikoj vecherni v prazdnik Rozhdestva Khristova [Patriarch's word after the Great vesper at Christmas]. (2024) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [Russian Orthodox Church]*. [Online]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6092378.html> (accessed 24.03.2024). (In Russian)
- Rozhdestvenskoe obrashchenie svyatejshego Patriarkha Kirilla k telezritelyam [Christmas address word of His Holiness Patriarch Kirill to TV audience]. (2024) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [Russian Orthodox Church]*. [Online]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6091408.html> (accessed 24.03.2024). (In Russian)
- Vladyka Panteleimon: Vnov' rastsvetet ves' Russkij mir, budet on torzhestvovat' i sokhranyat' vse okruzhayushchee [Bishop Panteleimon: The entire Russian world will blossom again, it will triumph and preserve everything around it]. (2024) *Krasnoyarskaya eparkhiya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi [Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church]*. [Online]. Available at: <https://kerpc.ru/media/arhipastyr/propovedi/145224> (accessed 24.03.2024). (In Russian)

Dictionaries

- Ozhegov, S. I., Schedova, N. Yu. (2006) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: A TEMP Publ., 938 p. (In Russian)

References

- Anisimova, E. E. (2019) *Religioznyj diskurs: funktsional'nyj i antropologicheskij aspekty [Religious discourse: Functional and anthropological aspects]*. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ., 240 p. (In Russian)
- Bobyрева, Е. В. (2007) *Religioznyj diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya) [Religious discourse: Values, genres, strategies (based on Orthodox congregation)]*. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology). Volgograd, Volgograd State Pedagogical University, 45 p. (In Russian)

- Fishbein, S. D. (2012) Verbal'nye sredstva garmonizatsii v religioznom diskurse (na materiale sovremennykh pravoslavnykh propovedej) [Verbal means of harmonisation in religious discourse (based on modern Orthodox sermons)]. In: Zh. A. Khramushina, A. S. Porshneva, I. V. Ermolaeva (eds.). *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: studencheskij vzglyad. Sbornik statej po materialam II Vserossijskoj studencheskoj nauchnoj konferentsii [Modern issues of philology of XXI century: Student view. Collection of articles based on the materials of the All-Russian student scientific conference]*. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin Publ., pp. 215–220. (In Russian)
- Issers, O. S. (2022) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]*. Moscow: Lenand Publ., 308 p. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2002) *Yazykovoju krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd: Peremena Publ., 477 p. (In Russian)
- Kozemyakin, E. A. (2011) Religioznyj diskurs: metodologiya issledovaniya [Religious discourse: Research methodology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo — Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*, no. 2 (97), iss. 15, pp. 32–47. (In Russian)
- Krylova, M. V. (2013) *Strategii rechevogo vozdejstviya v diskurse angloyazychnogo protestantizma [Verbal impression strategies in the discourse of English Protestantism]*. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology). Volgograd, Volgograd State University, 23 p. (In Russian)
- Shejgal, E. I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa [The semiotics of political discourse]*. PhD dissertation (Philology). Volgograd, Volgograd State Pedagogical University, 431 p. (In Russian)
- Shipilov, A. V. (2008) "Svoi", "chuzhie" i drugie ["Ours", "strangers" and others]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 566 p. (In Russian)
- Smolina, A. N. (2014) Blagopozhelaniye v sovremennom rossijskom pravoslavnom televizionnom diskurse (na materiale peredachi "Tserkovnyj kalendar" s o. Evgeniem Popichenko) [Wishful thinking in modern Russian Orthodox television (based on the content of the programme "Church calendar" hosted by father Evgeniy Popichenko)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika — Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 1, pp. 161–173. (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of the Russian Culture]*. 3rd ed. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 992 p. (In Russian)
- Timokhina, L. R. (2024) Sformirovannost' emotsional'noj kompetentsii u studentov pedagogicheskogo vuza v aspekte empaticheskikh perezhvanij [Formation of emotional competence among students of a pedagogical university in the aspect of empathic experiences]. In: I. A. Mayer (ed.). *Teoriya i metodika prepodovaniya inostrannykh yazykov v usloviyakh polikul'turnogo obshchestva: materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Theory and methods of teaching foreign languages in multi-cultural society: Proceedings of XII All-Russian scientific-practical conference]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev Publ., pp. 187–193. (In Russian)

УДК 81-26

EDN DTKYWR

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-148-155>

Взаимодействие линейного и рисуночного письма в англоязычных лингвистических играх

М. С. Фокина ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Мария Сергеевна Фокина,
SPIN-код: 8984-5025, ORCID:
0000-0003-1790-9416, e-mail:
aivengomag@gmail.com

Для цитирования: Фокина, М. С. (2024) Взаимодействие линейного и рисуночного письма в англоязычных лингвистических играх. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 3, с. 148–155. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-148-155>
EDN DTKYWR

Получена 28 мая 2024; прошла рецензирование 20 сентября 2024; принята 10 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. С. Фокина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие линейных и рисуночных элементов англоязычных лингвистических игр с точки зрения семиотики. Актуальность исследования семиотических особенностей головоломок обусловлена тем, что, во-первых, рекреационная лингвистика аккумулирует материал, еще не получивший достаточного научного освещения. Во-вторых, лингвистические игры как форма интеллектуального досуга представляют интерес для семиотики, поскольку отображают опыт среднестатистического пользователя языка в составлении сообщения, а также приемах его интерпретации. Методологическую основу исследования составляют теория знаков Ч. Пирса, концепции семантического треугольника и многоканальности сообщения. Материалом исследования выступили письменные лингвистические игры, представленные в специализированных справочниках. Сочетание линейных и рисуночных письменных систем составляет семиотический принцип конструирования лингвистических игр. В их основе лежит универсальное коммуникативное свойство мультимодальности. Семантический анализ показывает, что линейные и рисуночные элементы головоломок находятся в интегративных отношениях. Неразделимость вербальных и визуальных составляющих проявляется в иконическом, идеографическом и ребусном способах семиотической связи, для интерпретации которых используются описательно-образительный, идентифицирующе-мнемонический и фонетический приемы. Рисуночные игры с текстами, подражающие экспериментальному направлению конкретной поэзии, показывают, что вплетение нелинейных элементов в структуру текста образуют сложный знак — эмблему. Эмблематическая организация текста воздействует на визуальный канал восприятия и сообщает дополнительную информацию об идее автора. В заключении делаются выводы о том, что для решения письменных головоломок не требуется специальных лингвистических знаний. Механизм решения головоломок основывается на кодовом и модусном переключении. Подражание архаичным техникам письма соответствует постулату лингвистики о единстве синхронии и диахронии, а также подтверждает гипотезу исчезающего развития. В письменных играх соблюдается эстетико-семиотический закон о тяготении коммуникации к симультанности. Наконец, поликодовое и мультимодальное использование языка в играх свидетельствует о сформированности представлений наивного лингвиста о языке как о материи, передающей смысл любыми доступными способами.

Ключевые слова: лингвистические игры, семиотика, мультимодальность, поликодовость, иконография, идеография, ребус, эмблема

Interaction of linear and pictorial writing in English language games

M. S. Fokina ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Maria S. Fokina, SPIN: 8984-5025,
ORCID: 0000-0003-1790-9416,
e-mail: aivengomag@gmail.com

For citation: Fokina, M. S. (2024) Interaction of linear and pictorial writing in English language games. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 148–155. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-148-155> EDN DTKYWR

Received 28 May 2024; reviewed 20 September 2024; accepted 10 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. S. Fokina (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article deals with the interaction of linear and pictorial elements of English language games from semiotic perspective. Language puzzles as a form of intellectual leisure are of semiotic interest since they reflect the experience of a naïve linguist in a message composing and the techniques of its interpretation. The methodology of research refers to the theory of signs and the concept of multimodal communication. The combination of writing systems constitutes the semiotic principle of language games construction. They are based on the universal communicative principle of multimodality. The semantic analysis reveals that linear and pictorial elements of puzzles are integral. The inseparability of components is manifested in iconic, ideographic and rebus relations of a symbol and its reference. The types of semiotic relations correspond to descriptive-representational, identifying-mnemonic, and phonetic approaches to the sign interpretation. Textual language games imitating the experimental movement of concrete poetry disclose that the interweaving of nonlinear elements into the text structure forms an emblem. The emblematic organization of a text affects the visual perception and provides additional information on the author's idea. The article is concluded with the notion that no special linguistic knowledge is required to solve puzzles. The puzzle-solving mechanism is based on the code and mode switch. The imitation of archaic writing corresponds to the postulate of linguistics on the unity of synchrony and diachrony, confirms the hypothesis of nonvanishing categories, coincides with the aesthetic-semiotic law of communication. Finally, the multimodal use of language reveals the naïve linguist's perception of language as a substance that conveys the meaning.

Keywords: language games, semiotics, multimodality, polycode, iconography, ideography, rebus, emblem

Введение

Лингвистические игры — форма интеллектуального досуга, популяризированная в англоговорящих странах в середине прошлого века. Повышенное внимание к рекреационной лингвистике вызвано развитием сферы досуговой деятельности в послевоенные годы: с одной стороны — массовым увлечением шифрами и математическими задачами, с другой — формированием экспериментальных направлений в литературе и искусстве. Головоломки, ребусы и анаграммы представляют интерес для семиотики, поскольку игры отображают опыт «наивного лингвиста» (среднестатистического пользователя языка) в составлении сообщения, а также приемах его интерпретации. Цель статьи заключается в установлении способов семиотической связи между линейными и рисуночными элементами лингвистических головоломок, описании приемов их интерпретации с точки зрения семиотической теории, в частности, теории знаков Ч. Пирса, концепции семанти-

ческого треугольника, а также с позиции многоканальности сообщения (мультимодальности, поликодности, симультанности). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, провести семантический анализ текстов и изображений лингвистических игр; во-вторых, определить характер взаимодействия между текстовыми и рисуночными элементами головоломок; в-третьих, установить способы интерпретации зашифрованных сообщений.

Материалом анализа послужили письменные лингвистические игры, представленные в справочниках Г. Эйсса (Eiss 1986), М. Гарднера (Gardner, Kubinyi 1975), Дж. Грандитса (Grandits 2004), Р. Прайса (Price 1992).

Основной теоретической базой послужили работы в области поликодности и мультимодальности (Большакова 2008; Кибрик 2010; Левин 1998; Чемодурова 2022; Чернявская 2014; Granström et al. 2002), теории письменных систем (Гельб 2004; Федорова 2015; 2020; Rogers 2005; Sampson 2015), а также рекреационной лингвистики

(логологии) — сравнительно молодой области языкознания, изучающей использование языка в досуговых целях (Bombaugh 1961; Borgmann 1965; Eckler 1979; Espy 1972).

Актуальность темы обусловлена неполнотой и фрагментарностью исследований, посвященных изучению англоязычных лингвистических игр по правилам. Новизна исследования заключается в обращении к семиотическому подходу при рассмотрении анализируемого материала. Теоретическая значимость работы заключается в расширении научного знания в области операциональных механизмов порождения, восприятия и интерпретации высказывания.

Линейные и рисуночные элементы лингвистических игр

Сочетание линейных и рисуночных письменных систем в организации головоломок составляет семиотический принцип конструирования лингвистических игр. В основе лингвистических игр лежит универсальное коммуникативное свойство *мульти-modalности* — взаимодействия каналов восприятия (вербального и невербального: визуального, аудиального, тактильного) (Кибрик 2010, 135). В терминологии Ю. И. Левина *сингулярному* (одноканальному) сообщению противопоставляется конгломерат вербальных, интонационных, жестовых и визуальных сообщений, именуемый *симультаным* (Левин 1998, 606). С мульти-modalностью нередко отождествляется *поликодовость*, хотя эти понятия изначально имели разные сферы применения (психология и семиотика). Узкое понимание поликодовости сводится к факту взаимодействия различных кодов как систем условных обозначений и правил их сочетаемости, широкое — к тенденции усиленной визуализации коммуникативного сообщения (Чернявская 2014, 90).

Семантический анализ лингвистических игр на материале словаря Г. Эйсса (Eiss 1986) показывает, что линейные и рисуночные элементы головоломок находятся в *интегративных* отношениях. Неотделимость вербальных и визуальных составляющих друг от друга проявляется в использовании различных способов семиотической связи (по Л. Л. Федоровой (Федорова 2015, 75–76)):

1) *Иконический способ* (на основе внешнего подобия): изображение означаемого — пиктограмма, т. е. «письмо рисунками». В сборнике Р. Прайса собраны иллюстрации для игры в *Doodles* (игры в остроумные интерпретации иконических изображений) (Price 1992). На од-

ной из иллюстраций (рис. 1) представлено изображение изогнутых очков с подписью «Glasses for Woman Who Had Her Face Lifted» ('Очки для женщины с подтяжкой лица') (Price 1992, 26). В интерпретации изображения эксплуатируется полисемантический глагол *lift*, обладающий значениями «поднимать» и «делать подтяжку лица».

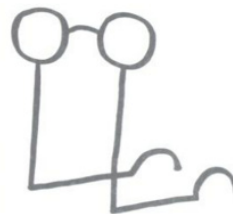

Рис. 1. Doodle «Очки» (Price 1992)

Fig. 1. Doodle «Glasses» (Price 1992)

2) *Идеографический способ*: изображение означаемого по смежности или сходству на основе метонимического или метафорического переноса, т. е. «письмо идеями». В лингвистической игре *ZOO-LULU* («отгадывание животных» по орнаментальным буквам), одна или несколько букв слова графически оформлена таким образом, чтобы игрок смог распознать внешний отличительный признак животного, дописать недостающие буквы и назвать слово целиком. Рисунок ниже демонстрирует, как буква О уподобляется вымени — отличительному признаку коровы (рис. 2).

C O W ? → C O W → C O W

Рис. 2. ZOO-LULU «Корова»
(изображение создано средствами MS Word)

Fig. 2. ZOO-LULU «Cow»
(the image was created in MS Word)

3) *Ребусный способ*: изображение зашифрованного сообщения в виде линейной последовательности картинок. «Имена» картинок подбираются по принципу звукового сходства с означающим, т. е. звукового переноса (рис. 3).

Рис. 3. Ребус «Глаз, море, овца»
(изображение создано средствами MS Word)

Fig. 3. Rebus «Eye, sea, ewe»
(the image was created in MS Word)

Решение: «eye, sea, ewe» ('глаз, море, овца') => ai | si: | ju: => ai 'si: ju => «I see you» ('Я вижу тебя'). Для интерпретации изображения использован звуковой перенос на основе омонимии.

В зависимости от способа семиотической связи применяются следующие приемы интерпретации сообщения (Гельб 2004, 251–252).

Описательно-изобразительный прием применяется для толкования иконических изображений: картинка прочитывается буквально как текст («текстограмма»). Знаки-иконы ограничены в возможности отображения сложных идей и абстрактных понятий, что приводит к неоднозначной и множественной интерпретации сообщения. Изображение ниже демонстрирует *Droodle* Р. Прайса, на котором изображено что-то похожее на коробку с иглами (рис. 4). Иллюстратор предлагает следующие интерпретации картинки: 1) «*Box of Spare Parts for a Porcupine*» ('Коробка запасных иглол для дикобраза'); 2) «*Toupee for Mechanical Man*» ('Парик для робота') (Price 1992, 40). Смысловый потенциал изображения на этом не исчерпывается. Ставя себя на место наивного лингвиста, решающего эту головоломку, мы можем предложить трактовки «*Lego Brick for Yoga Practice*» ('Кубик Лего для йоги') или «*Box of Spare False Eyelashes*» ('Коробка запасных накладных ресниц'). Интерпретация *Droodle* зависит от опыта языковой личности и передает информацию о кругозоре, увлечениях, образованности игрока.

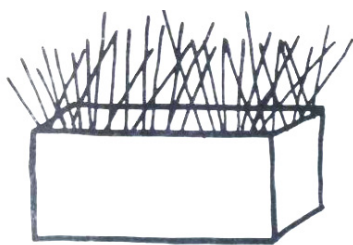

Рис. 4. Droodle «Коробка с иглами» (Price 1992)

Fig. 4. Droodle «Needle Box» (Price 1992)

Для толкования идеограмм используется **идентифицирующе-мнемонический прием**: изображения отдельных предметов подсказывают смысл изображения в целом. Упомянутое в игре ZOO-LULU орнаментальное оформление буквы О в слове COW ('корова') подсказывает графический облик буквы и передает идею вымени, идентифицирующего корову. В знаковой теории Ч. Пирса подобный символ выступает знаком-образом («гипоиконой»), относящимся к объекту на основе схожести первичных характеристик (Пирс 2000, 202). Игровое использо-

вание идеографии обращает наивного лингвиста к архаичным техникам письма: иконографии и «письму идеями», которые в ходе развития письменности уступили место глоттографии (алфавитному письму). Изображение демонстрирует историческую динамику становления буквы А (рис. 5).

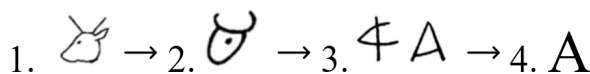

Рис. 5. История буквы А (изображение создано средствами MS Word с элементами, заимствованными из ресурса Encyclopedia Britannica (Letter A 2024))

Fig. 5. The History of Letter A (the image was created in MS Word with elements borrowed from the Encyclopedia Britannica resource (Letter A 2024))

1. Древнеегипетский иероглиф «бык».
2. Протосинайское письмо.
3. Древнегреческое письмо.
4. Латиница.

Имитация реконструкции иконического изображения буквы является ключом к разгадке ZOO-LULU. Ниже приведены примеры головоломок из сборника М. Гарднера (Gardner, Kubinyi 1975, 62) с указанием на образы, зашифрованные в иконических буквах (рис. 6–8).

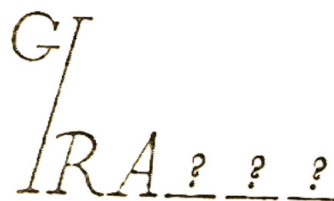

Рис. 6. ZOO-LULU «Жираф» (Gardner, Kubinyi 1975)

Fig. 6. ZOO-LULU «Giraffe» (Gardner, Kubinyi 1975)

Ответ: *Giraffe* ('жираф'). Лигатурное сочетание буквы G и I передает отличительный признак жирафа — его длинную шею.

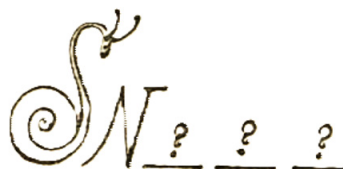

Рис. 7. ZOO-LULU «Улитка» (Gardner, Kubinyi 1975)

Fig. 7. ZOO-LULU «Snail» (Gardner, Kubinyi 1975)

Ответ: *Snail* (улитка). Орнаментальная буква S оформлена таким образом, что ее верхняя часть изображает «глаза» улитки, а нижняя — панцирь.

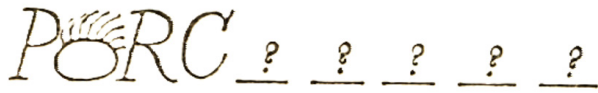

Рис. 8. ZOO-LULU «Дикобраз»
(Gardner, Kubinyi 1975)

Fig. 8. ZOO-LULU «Porcupine»
(Gardner, Kubinyi 1975)

Ответ: *Porcupine* («дикобраз»). Изменение направления письма буквы O и дорисованные над ней иголки указывают на схематическое изображение дикобраза.

Для расшифровки ребусов применяется **фонетический прием**, который заключается в переключении с письменной формы существования языка на устную, при этом происходит перераспределение сегментных единиц и просодического оформления высказывания. Механизм решения ребуса представлен в виде пяти ступеней:

1. Зрительное восприятие линейной последовательности картинок (рис. 9).

Рис. 9. Ребус «Глаз, пчела, лист»
(изображение создано средствами MS Word)

Fig. 9. Rebus «Eye, bee, leaf»
(the image was created in MS Word)

2. Подбор буквенной оболочки элементов изображения
Eye, bee, leaf. («глаз, пчела, лист»)
3. Подбор звуковой оболочки элементов изображения
aɪ | bi: | li:f
4. Сегментное и супraseгментное перераспределение элементов
aɪ biˈli:v
5. Дешифровка сообщения
I believe. («Я верю»)

Здесь мы видим элементы слогового письма, основанного на принципе ребуса. Силлабарии (слоговые знаки) как таковые не свойственны письменной системе английского языка, однако они присутствуют в креольском языке на английской основе — Ндюка (*Ndyuka*).

Принцип сочетания линейного и рисуночного письма находит применение и в играх с текстами. Вплетение нелинейных элементов в структуру текста образует сложный знак — **эмблему**. К отличительным особенностям эмблемы относятся *представительская функция* (привязанность к референту), *двучастность* (слияние знаков в нелинейной композиции), *распознаваемость* (эмблема узнаваема на фоне других знаков) и *небуквальность* (прямая интерпретация компонентов не определяет смысл, но является «ключом» к обнаружению их связи) (Федорова 2020, 17–20). Согласно исследованиям Л. Л. Федоровой, эмблематичность представляет универсальное свойство письменных систем (Федорова 2015; 2020). Многие знаки, образованные по принципу эмблематичности, в настоящее время воспринимаются как целостно неделимые. К таким эмблемам относятся лигатуры — сдвоенные знаки (лат. *et* «и» => *e + t* => &), некоторые знаки пунктуации (лат. *quaestio* «вопрос» => сокращение *qo* => изменение порядка записи $\frac{q}{o}$ => упрощение до знака вопроса «?»).

В рекреационной лингвистике распространены поэтические игры *Emblematic Poetry*, *Concrete Poetry*, *Shape Poetry* и *Picture Poetry*, подражающие экспериментальному направлению конкретной (визуальной, эмблематической) поэзии второй половины XX в., превозносящей технические возможности письма (О. Гомрингер, И. Г. Финлей, Д. А. Пирогов). Суть игр состоит в графической реорганизации текста, облечении его в рисуночную форму, которая отражала бы его содержание. Понятие поэзии при этом условно: поэзией признается последовательность знаков, передающая идею автора посредством зрительного восприятия (Bodden 2010, 31). В качестве хрестоматийного примера игры приводится текст Дж. Грандитса «*My Stupid Day*» («*Мой дурацкий день*») (рис. 10):

«I wake up in the morning and get ready to school. It's the same thing every day. I go to school and it's BORING. I have lunch and talk to the same kids every day. When I get home, I have the same stupid snack and watch the dumb cartoon. Then it's dinner and homework and the day is over. So I put on my pajamas. I go to bed, and then <...>» (Grandits 2004, 13).
[Я просыпаюсь утром и собираюсь в школу. Каждый день одно и то же. Я хожу в школу, и это СКУЧНО. Я обедаю и разговариваю с одними и теми же детьми каждый день. Когда я прихожу домой, я делаю все тот же дурацкий перекус и смотрю глупый мультфильм. Потом ужин и домашняя работа, и день закончен. Так что я надеваю свою пижаму. Я ложусь спать и затем <...>] (перевод мой. — М. С.)

Слова текста вписаны в циферблат часов, где цветное выделение и стрелки указывают на начало и завершение дня — семь часов.

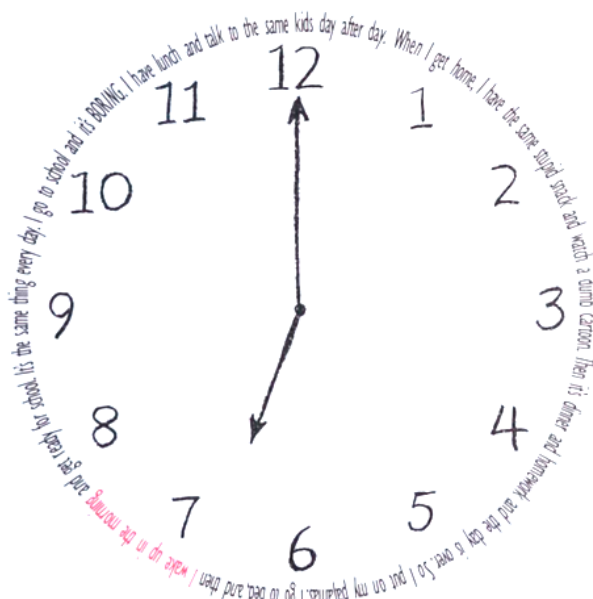

Рис. 10. Конкретная поэзия «Мой дурацкий день» (Grandits 2004)

Fig. 10. Concrete Poetry «My Stupid Day» (Grandits 2004)

Идея цикличности и монотонности распорядка дня подкрепляется как семантикой языковых элементов, так и их нелинейной организацией, внедрением элементов других семиотических систем (цифр, стрелок), цветовым выделением. В совокупности образуется поликодовый текст в виде эмблемы часов.

Заключение

Анализ лингвистических игр, сконструированных по принципу сочетания линейного и рисуночного письма, позволил прийти к следующим выводам.

Во-первых, для решения письменных лингвистических головоломок не требуется специальных лингвистических знаний. Наивный

лингвист интуитивно воспроизводит архаичные техники письма и способы семиотической организации сообщения. Это соответствует постулату современной лингвистики о единстве синхронии и диахронии — одни и те же явления могут существовать в разных временных и пространственных срезах (Степанов 2020, 260), а также подтверждает гипотезу неисчезающего развития, в соответствии с которой из языка некоторые категории не исчезают бесследно (Ельмслев 1972, 114).

Во-вторых, в письменных лингвистических играх соблюдается эстетико-семиотический закон, гласящий, что «коммуникация не любит сингулярности и тяготеет к симультанности» (Левин 1998, 618). Симультанность письменных головоломок связывается с визуальной организацией сообщения (эмблематическая поэзия), «озвучиванием» символов (ребусы) и многозначностью (идеограммы).

В-третьих, поликодовое и мультимодальное использование языка в письменных играх свидетельствует о сформированности представлений о языке как о материи, передающей смысл любимыми доступными способами (письмо картинками, идеями, буквами), при этом во внимание берутся как идиоэтнические свойства английского языка (высокий индекс аналитичности: полисемантизм, различные виды омонимии), так и универсальные (принцип ребуса, принцип эмблематичности). Механизм решения головоломок основывается как на кодовом переключении (с одной семиотической системы на другую), так и на модусном (переключении с одной формы существования языка на другую).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Большакова, Л. С. (2008) *Метафора в англоязычном поликодовом тексте (на материале британских и американских музыкальных видеоклипов)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Самара, Самарский государственный педагогический университет, 23 с.
- Гельб, И. Е. (2004) *Опыт изучения письма: основы грамматики*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 366 с.
- Ельмслев, Л. (1972) О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности. В кн.: О. Г. Ревзина (сост.). *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М.: Наука, с. 114–152.
- Кибрик, А. А. (2010) Мультимодальная лингвистика. В кн.: Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев (ред.). *Когнитивные исследования*. Вып. 4. М.: Институт психологии РАН, с. 135–152.

- Левин, Ю. И. (1998) *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М.: Языки русской культуры, 824 с.
- Пирс, Ч. С. (2000) *Избранные философские произведения*. М.: Логос, 411 с.
- Степанов, Ю. С. (2020) *Основы общего языкознания*. М.: URSS, 272 с.
- Федорова, Л. Л. (2015) *История и теория письма*. М.: Флинта, 559 с.
- Федорова, Л. Л. (2020) *Линейный и эмблематический принципы в письме и языке*. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 266 с.
- Чемодурова, З. М. (2022) Игровая модальность поликодового художественного текста. *Когнитивные исследования языка*, № 2 (49), с. 672–677.
- Чернявская, В. Е. (2014) *Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. М.: Директ-Медиа, 266 с.
- Bodden, V. (2010) *Concrete poetry*. Mankato: Creative Education Publ., 32 p.
- Bombaugh, C. C. (1961) *Oddities and curiosities of words and literature*. New York: Dover Publ., 351 p.
- Borgmann, D. A. (1965) *Language on vacation; an olio of orthographical oddities*. New York: Scribner Publ., 318 p.
- Eckler, A. R. (1979) *Word recreations: Games and diversions from word ways*. New York: Dover Publ., 135 p.
- Espy, W. R. (1972) *The game of words*. 3rd ed. New York: Bramhall House Publ., 279 p.
- Granström, B., House, D., Karlsson, I. (2002) *Multimodality in language and speech systems*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 243 p.
- Rogers, H. (2005) *Writing systems: A linguistic approach*. Hoboken: Blackwell Publ., 322 p.
- Sampson, G. (2015) *Writing systems: A linguistic introduction*. 2nd ed. Sheffield: Equinox Publ., 283 p.

Sources

- Eiss, H. E. (1986) *Dictionary of language games, puzzles, and amusements*. Westport: Greenwood Press, 278 p. (In English)
- Gardner, M., Kubinyi, L. (1975) *Perplexing Puzzles and Tantalizing Teasers*. New York: Pocket Books, 128 p. (In English)
- Grandits, J. (2004) *Technically, it's not my fault: Concrete poems*. New York: Clarion Books Publ., 48 p. (In English)
- Letter A. (2024) *Encyclopedia Britannica*. [Online]. Available at: <https://www.britannica.com/topic/A-letter> (accessed 27.05.2024). (In English)
- Price, R. (1992) *Classic doodles*. Los Angeles: Price Stern Sloan Publ., 128 p. (In English)

References

- Bodden, V. (2010) *Concrete poetry*. Mankato: Creative Education Publ., 32 p. (In English)
- Bol'shakova, L. S. (2008) *Metafora v angloyazychnom polikodovom tekste (na materiale britanskikh i amerikanskikh muzykal'nykh videoklipov) [Metaphor in English-language polycode text (on the material of British and American music video clips)]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 23 p. (In Russian)
- Bombaugh, C. C. (1961) *Oddities and curiosities of words and literature*. New York: Dover Publ., 351 p. (In English)
- Borgmann, D. A. (1965) *Language on vacation; an olio of orthographical oddities*. New York: Scribner Publ., 318 p. (In English)
- Chemodurova, Z. M. (2022) Igrovaya modal'nost' polikodovogo khudozhestvennogo teksta [The ludic modality of polycode fiction]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka — Cognitive Studies of Language*, no. 2 (49), pp. 672–677. (In Russian)
- Chernyavskaya, V. E. (2014) *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Text linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity]*. Moscow: Direct-Media Publ., 266 p. (In Russian)
- Eckler, A. R. (1979) *Word recreations: Games and diversions from word ways*. New York: Dover Publ., 135 p. (In English)
- Espy, W. R. (1972) *The game of words*. 3rd ed. New York: Bramhall House Publ., 279 p. (In English)
- Fedorova, L. L. (2015) *Istoriya i teoriya pis'ma [The history and theory of writing]*. Moscow: Flinta Publ., 559 p. (In Russian)
- Fedorova, L. L. (2020) *Lineynyj i emblematicheskij printsipy v pis'me i yazyke [Linear and emblematic principles in writing and language]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 266 p. (In Russian)
- Gelb, I. J. (2004) *Opyt izucheniya pis'ma: osnovy grammatologii [A study of writing]*. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS Publ., 366 p. (In Russian)
- Granström, B., House, D., Karlsson, I. (2002) *Multimodality in language and speech systems*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 243 p. (In English)
- Hjelmslev, L. (1972) O kategoriyakh lichnosti — nelichnosti i odushevlenosti — neodushevlenosti [About the categories of personality — impersonality and animateness — inanimation]. In: O. G. Revzina (comp.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya [Principles of typological analysis of languages of various systems]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 114–152. (In Russian)

- Kibrik, A. A. (2010) Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics]. In: Yu. I. Aleksandrov, V. D. Solov'ev (eds.). *Kognitivnye issledovaniya. Vyp. 4 [Cognitive studies. Iss. 4]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 135–152. (In Russian)
- Levin, Yu. I. (1998) *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika [Selected works. Poetics. Semiotics]*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 824 p. (In Russian)
- Peirce, Ch. S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]*. Moscow: Logos Publ., 411 p. (In Russian)
- Rogers, H. (2005) *Writing systems: A linguistic approach*. Hoboken: Blackwell Publ., 322 p. (In English)
- Sampson, G. (2015) *Writing systems: A linguistic introduction*. 2nd ed. Sheffield: Equinox Publ., 283 p. (In English)
- Stepanov, Yu. S. (2020) *Osnovy obshchego yazykoznanija [Fundamentals of general linguistics]*. Moscow: URSS Publ., 272 p. (In Russian)

УДК 811.133.1'01

EDN EPBFWZ

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-156-162>

Особенности семантики старофранцузского абстрактного прилагательного “iriez” в сочетании с существительным “cuer”

М. В. Соловьева ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

Сведения об авторе

Мария Владимировна Соловьева,
SPIN-код: 7775-7862,
Scopus AuthorID: 57845057100,
ResearcherID: C-8424-2016,
ORCID: 0000-0001-7352-353X,
e-mail: m.solovieva@spbu.ru

Для цитирования:

Соловьева, М. В. (2024)
Особенности семантики
старофранцузского абстрактного
прилагательного “iriez”
в сочетании с существительным
“cuier”. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 6, № 3, с. 156–162.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-156-162>
EDN EPBFWZ

Получена 12 мая 2024; прошла
рецензирование 26 августа 2024;
принята 9 сентября 2024.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © М. В. Соловьева (2024).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Цель исследования заключается в определении значения и выявлении особенностей старофранцузского прилагательного “iriez” (‘разгневанный / огорченный’) при его употреблении в формуле, содержащей существительное “cuier / corage” (‘сердце’).

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим интересом к особенностям семантики лексического состава как современных, так и древних языков, в том числе старофранцузского. Статья вносит вклад в научную дискуссию о характере старофранцузской абстрактной лексики с точки зрения широкозначности, синкретизма, многозначности.

В статье описывается формула с компонентами “iriez” и “cuier”, приводятся ее варианты; анализируется значение прилагательного “iriez” в составе указанной формулы; проводится сопоставление прилагательного “iriez” с прилагательными “dolent” (‘огорченный’) и “couroucié” (‘разгневанный’), образующими друг с другом и с прилагательным “iriez” парные наименования (парные синонимы), что позволяет определить значение последнего.

Исследование проводилось на материале подкорпуса старофранцузского языка Корпуса французского языка Frantext. Исследовательский подкорпус, содержащий 75 старофранцузских текстов (2 813 747 словоупотреблений), датированных 950–1299 гг., был составлен с учетом характерных для средневекового французского языка омонимии и орфографической вариативности. При анализе значения слова использовался контекстный метод, метод этимологического анализа, а также дефиниционный метод. Проведенное исследование позволило сделать вывод о синкретизме старофранцузского прилагательного “iriez”, обозначающего сильное отрицательное чувство и реализовавшего значения ‘разгневанный’ и ‘огорченный’. Кроме того, употребление описываемого прилагательного в составе формулы с существительным “cuier / corage” (‘сердце’) позволило увидеть особенность средневековой метафоры, отличающейся материалистичностью, абстрактность которой подкреплена физическими ощущениями.

Практическая значимость исследования заключается в уточнении значения прилагательного “iriez”, а также в возможности использования результатов в рамках курсов по семантике, по истории французского языка, исторической лексикологии и исторической стилистики французского языка.

Ключевые слова: историческая стилистика французского языка, парные наименования, парные синонимы, семантический синкретизм, старофранцузская лексика, формульный стиль

Particularities of semantics of Old French abstract adjective “iriez” in combination with noun “cuer”

M. V. Solovieva ✉¹

¹ Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Author

Maria V. Solovieva, SPIN: [7775-7862](https://orcid.org/0000-0001-7352-353X),
Scopus AuthorID: [57845057100](https://orcid.org/0000-0001-7352-353X),
ResearcherID: [C-8424-2016](https://orcid.org/0000-0001-7352-353X),
ORCID: [0000-0001-7352-353X](https://orcid.org/0000-0001-7352-353X),
e-mail: m.solovieva@spbu.ru

For citation: Solovieva, M. V. (2024) Particularities of semantics of Old French abstract adjective “iriez” in combination with noun “cuer”. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 156–162. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-156-162>
EDN [EPBFWZ](https://orcid.org/0000-0001-7352-353X)

Received 12 May 2024; reviewed 26 August 2024; accepted 9 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. V. Solovieva (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The aim of the study is to determine the meaning and describe the peculiarities of the Old French adjective “iriez” (‘angry / distressed’) used as part of a formula containing the noun “cuer / corage” (‘heart’).

The relevance of the study is conditioned by the unflagging interest to semantic peculiarities of the lexical composition of old languages, including Old French. The article contributes to the scientific discussion on the nature of Old French abstract vocabulary in terms of everysemy, polysemy, syncretism.

The article describes the formula with the components “iriez” and “cuer”, gives its variants; analyzes the meaning of the adjective “iriez” as part of the formula; compares the adjective “iriez” with the adjectives “dolent” (‘grieved’) and “couroucié” (‘angry’), which form paired names (paired synonyms) with each other and with the adjective “iriez”. This makes it possible to determine the meaning of the adjective “iriez”.

The study was based on the Old French language sub-corpus of the Frantext French Language Corpus. The research sub-corpus, containing 75 Old French texts (2,813,747 word uses) dating from 950 to 1299, took into consideration homonymy and orthographic variation characteristic of medieval French. The contextual method and the method of etymological analysis were used in analyzing the meaning of the word.

Having completed the study, we concluded that Old French adjective “iriez” has a syncretic character denoting a strong negative feeling and meaning ‘angry’ and ‘grieved’. Besides, the use of the adjective described in the formula with the noun “cuer / corage” (‘heart’) allowed us to see the peculiarity of the medieval metaphor which is characterized by materialism, while the metaphor’s abstract nature is supported by physical sensations.

The practical significance of the study lies in the clarification of the meaning of the adjective “iriez”, as well as in the possibility of using the results in courses on the history of the French language.

Keywords: historical stylistics of the French language, paired names, paired synonyms, semantic syncretism, Old French vocabulary, epic formula

Введение

Формульная теория М. Пэрри и А. Лорда, получившая свое развитие в середине XX века, по настоящее время не теряет актуальности. Исследования, проводимые на материале древних литературных языков, не могут не учитывать своеобразие формульного характера ранних произведений, во многом обусловившего развитие значений и особенности употребления старофранцузской лексики (Geylikman 2022, 61).

Цель нашего исследования — определить значение старофранцузского прилагательного “iriez” (‘разгневанный / огорченный’) при его употреблении в составе формулы, содержащей существительное “cuer / corage” (‘сердце’). Для достижения поставленной цели был составлен исследовательский подкорпус, включающий в себя клишированные словосочетания с ук-

занными компонентами; было дано определение формулы с точки зрения ее устойчивости и вариативности; был сделан вывод о значении и об особенностях прилагательного, которое реализуется в составе формулы.

Исследование проводилось на материале подкорпуса старофранцузского языка Корпуса французского языка Frantext, содержащего 266 миллионов слов (тексты с IX по XXI век) по состоянию на декабрь 2022 г. Данный корпус был разработан в лаборатории ATILF (Analyse et Traitement Informatique de la Langue Française) и стал доступен широкой аудитории с 1998 г. Исследовательский подкорпус содержит 75 старофранцузских текстов (2 813 747 словоупотреблений), датируемых 950–1299 гг. Он был составлен с учетом характерных для средневекового французского языка омонимии и орфографической вариативности. При анализе значения

слова использовался контекстный метод, метод этимологического анализа, а также дефиниционный метод.

Теоретическую базу исследования составили труды как отечественных, так и зарубежных медиэвистов, занимавшихся вопросами исторической поэтики и, в частности, формульным стилем. Так, Ж. Ришнер рассматривал формулу как стереотипный стилистический прием, обусловленный устной формой распространения эпических поэм (Ruchner 1955, 140–150). Ж. Ватле-Виллем расширила определение формулы до стереотипной схемы развития сюжета (Wathlet-Willem 1964, 705–727). В научных работах XXI века принято разграничивать клише и формулу по степени вариативности, трактуя последнюю как модель, принадлежащую традиции и имеющую различные реализации, обусловленные индивидуальными чертами сказителя (Клейнер 2010, 39). В нашем исследовании под формулой мы понимаем клишированное словосочетание, основными характеристиками которого выступают устойчивость и вариативность. Если первая черта имплицитно воспроизводимости и узнаваемости формулы, то вторая позволяет автору-исполнителю встраивать формулы в повествование, создавая определенную стилистическую окраску, акцентируя определенные действия, добиваясь художественного эффекта (Дубовая 2020, 135), вплоть до пародийного (Boutet 2017, 72).

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы при составлении курсов по семантике, по истории французского языка, исторической лексикологии и исторической стилистики французского языка.

Особенности значения формулы “*cuer iriez*”

Компоненты формулы

Устойчивость и узнаваемость описываемой формулы определяются повторяющейся синтаксической структурой и включением в нее обязательных элементов: существительного “*cuer / corage*” и существительного “*ire*” или же производного от него прилагательного “*iré / irié / iriez*”. Кроме того, формула может включать в себя интенсификаторы (прилагательное “*grant*”, “*mout*”). В этом проявляется вариативность формулы.

Были выделены следующие варианты формулы:

- **Aveir au cuer ire:** глагол “*aveir*” в личной форме + слияние предлога “*à*” и определен-

ного артикля “*le*” + существительное “*cuer*” в функции обстоятельства места + интенсификатор (наречие или прилагательное — факультативно) + неартикулированное существительное “*ire*” в функции прямого дополнения.

Tant com sera li serpanz vis / par qui, fait ele, fu ocis / mon filz dont j'ai au cuer grant ire / plus que ne sai penser ne dire, / n'iert pardonnez cist mautalenz <...> [Пока будет жив змей, / который, — говорит она, — умертвил / моего сына, отчего в моем сердце горечь / гнев великий, / который ни назвать ни описать не могу, / не будет прощен этот злодей <...>] (Здесь и далее — перевод автора статьи) (Anonyme. Le roman de Thèbes, t. 1) (Frantext 2024, 82).

- **Aveir le cuer iré:** глагол “*aveir*” в личной форме + определенный артикль “*le*” + существительное “*cuer*” в функции прямого дополнения + прилагательное “*iré*”.

Quant il vit mort son oncle, Moab le fil Taré, / Ne fumie merveille s'il ot le cuer iré. [Когда он увидел мертвым своего дядю, Моаба сына Тарэ, / Ничего удивительного в том, что от этого у него было огорченное / разгневанное сердце.] (Paris A. Roman d'Alexandre, branche 3) (Frantext 2024, 159).

- **Aveir le cuer allumé / torné / plain / aigre ... d'ire:** глагол “*aveir*” в личной форме + определенный артикль “*le*” + существительное “*cuer*” в функции прямого дополнения + прилагательное / страдательное причастие прошедшего времени в предикативной функции + предлог “*de*” + существительное “*ire*”.

D'ire a le cuer aigre et torné / Quant sanz s'amie s'en retourne. [От гнева / горечи его сердце раздражено и перевернуто, / поскольку без милой подруги возвращается <...>] (De Coinci G. Miracles de Notre-Dame, t. 2) (Frantext 2024, 253).

Вариант этой формулы: глагол “*estre*” в личной форме + прилагательное / страдательное причастие прошедшего времени в предикативной функции + предлог “*de*” + существительное “*ire*”:

Lors leva li vilains la hure / Frote ses ieulz, si s'esberuce, / Fronche le nes, les ieulz rueille / Et fu plains d'ire et de rueille <...> [Тогда приподнял крестьянин [свисающие на глаза] волосы / трет глаза, встрепенулся / морщит нос, выкатывает глаза / и был он полон гнева / горечи и злости [выражающейся выкатыванием глаз]]. (De Lorris G. Le roman de la Rose) (Frantext 2024, 224).

- **Estre de cuer iree:** глагол “estre” в личной форме + предлог “de” + существительное “cuer” в функции именной части составного именного сказуемого + прилагательное “iré”.

[fut] *Dolente et corroucie. / Moult par fu Malatrie de cuer triste et iree / Pour amour de Gerart et forment tormentee <...>* [[была] страдающая и разгневанная. / Очень **была** Малатрия **сердцем** печальна и **разгневана / огорчена** / из-за любви к Жерару и сильно страдала <...>] (Le Roi A. Buevon de Comarchis) (Frantext 2024, 131).

- **Mettre le cuer en ire:** глагол “mettre” в личной форме + определенный артикль “le” + существительное “cuer” в функции прямого дополнения + предлог “en” + существительное “ire”.

<...> *car ele met le cuer en ire, / et cuers ires n'a point de sens <...>* [<...> когда она [любовь] ввергает сердце во **гнев / горечь**, / а **огорченное / разгневанное** сердце неразумно <...>] (D'Arras G. Eracle) (Frantext 2024, 145).

Несмотря на синтаксическую вариативность, формула узнаваема для средневековой аудитории и представляет собой реализацию традиционной поэтической модели (Клейнер 2010, 39), содержащей семантическую доминанту — сочетание существительного “cuer / corage” и существительного “ire” или же производного от него прилагательного “iré / irié / iriez”.

Особенности значения компонентов с корнем “ire”

В старофранцузском языке существительное “ire”, восходящее к латинскому “ira” (‘гнев’), реализует свое этимологическое значение (Godefroy 1885, 608). Производное от него прилагательное “iriez” также сохраняет значение ‘разгневанный, разъяренный’:

Gorhanz se drece, plus iriez d'un lion, / Toz desfublez, an sa main .i. baston. [Горан встает, **разъяренное льва**, / Совершенно раздетый, в руке дубинка] (Anonyme. Aspremont) (Frantext 2024, 110).

Лев символизирует физическую силу, мощь, ярость и отвагу в бою. Сравнение Горана со львом имеет целью подчеркнуть неистовство героя, ведь в Средние века отсутствие одежды на человеке, а также дубинка, заменяющая оружие, являлись характерными признаками “homme sauvage” — ‘дикого человека, безумца’, отличавшегося безудержной яростью (Laharie 1991).

В словаре Ван Даля (Van Daele 1901, 248) приводится еще одно значение существитель-

ного “ire” — “tristesse” (‘печаль, грусть’). Л. Эли дает близкий эквивалент — “chagrin” (‘огорчение’) (Hélix 1999, 86), указывая при этом на семантическую близость существительного “ire” с отглагольным существительным “cougroux” (‘гнев’), восходящим к глаголу “corgocier” (‘гневить’), который, в свою очередь, восходит к позднелатинскому глаголу “corguptione” в значении ‘убивать, губить душу’. В Средние века считалось, что гнев и огорчение портят душу, губят ее (Hélix 1999, 86).

Анализ текстов подтверждает наличие обоих тесно связанных значений как у существительного “ire” (‘гнев / горечь’), так и у производного от него прилагательного “iré / irié / iriez” (‘разгневанный / огорченный’): во всех случаях употребления формулы речь идет о сильном негативном чувстве, овладевающим человеком и нарушающим его покой и душевное равновесие.

Возникает закономерный вопрос: двойственность значения прилагательного — это намеренно использованный стилистический прием двойной актуализации или же это проявление особенности старофранцузской абстрактной лексики, заключающейся в синкретичной реализации духовного и материального начала, предметности референта и его метафоризации в тексте?

В Средние века сердце считалось центром физического тела человека иместилищем его чувств, мыслей, моральных качеств и самой души. В сердце соединялось материальное и нематериальное, физическое и моральное. Гнев и горечь овладевали сердцем человека, причиняли физическую боль, заставляли его страдать. Сердце испытывало эту боль, пылая гневом, и это не было фигурой стили. Метафора была телесно ощутима, «вещественна».

Показательно, что нарушение душевного покоя — гнев и огорчение — ощущались как проявления одного чувства. Подтверждением тому служит регулярное использование прилагательных “iriez” (‘разгневанный / огорченный’) и “dolent” (‘огорченный’) в качестве парных синонимов или парных наименований (Артамонова 2014, 39):

Arthur fud dolenz e iriez / Que de Modred ne fud vengiez <...> [Артур был **огорчен** и **разгневан**, / Поскольку не отомстил Мордреду.] (Wace R. Le roman de Brut, t. 1) (Frantext 2024, 691).

Прилагательные “dolenz” и “iriez” взаимодополняют, уточняют значения друг друга, соотносясь с одним явлением, а именно — с сильным

негативным чувством, овладевающим человеком при определенных неблагоприятных для него обстоятельствах.

В свою очередь, прилагательное “*dolent*” является либо поздним заимствованием, восходящим к латинскому “*dolens*” (причастие настоящего времени глагола “*dolere*”, обозначающего ‘причиняющий боль’), либо происходит от “*dolentus*” — одной из форм причастия “*dolens*”, распространившейся в народной латыни на территории северной Галлии (Rey 2010, 628–629). В старофранцузских текстах это прилагательное, как и прилагательное “*iriez*”, сочетается с существительным “*cuer*”, образуя формулу:

Li rois l'entent, s' en a le cuer dolent. [Король его слушает, и от (услышанного) сердце его **огорчено / болит.**] (Anonyme. Moniage Guillaume. Seconde Rédaction) (Frantext 2024, 299).

Cui que remaigne la terre quitement / Se il bien aime ses homes leaument, / Jamais n'iert jor ses cuers n'en soit dolant. [Кто бы ни жил мирно на земле, / если он любит своих вассалов и предан им, / то не пройдет ни одного дня, **чтобы его сердце о них не болело / не печалилось.**] (Anonyme. Aspremont) (Frantext 2024, 560).

Кроме того, прилагательное “*dolent*” регулярно употребляется с прилагательным “*courouchié*” (‘разгневанный’), создавая парное наименование.

Quant il perchoit son frere que cil aloit l'iant, / il en ot moult le cuer courouchié et dolant <...> [Когда он увидел, что его брат шел связанным, / его сердце от этого стало разгневанным и **огорченным / заболевшим <...>**] (Anonyme. Les enfances de Doon de Mayence) (Frantext 2024, 12–13).

Таким образом, все три прилагательных “*iriez*”, “*courouchié*” и “*dolent*”, выступая в качестве парных наименований (парных синонимов), демонстрируют тесную семантическую связь, при этом каждое из них может синкретично реализовывать значение ‘разгневанный’ / ‘огорченный’, акцентируя внимание на первом или втором признаке.

Например, в романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» король Эврен пытается отговорить Эрека от испытания Радостью двора, предупреждая о сложности и опасности этого приключения:

<...> mes se je vos veoie pris ou de vostre cors anpirié, / molt avroie le cuer irié. [но если бы я вас увидел плененным или раненным, / очень **огорченным / разгневанным** было бы мое сердце.] (De Troyes. Erece et Enide) (Frantext 2024, 170).

Гильом Оранжевый, отправленный настоятелем монастыря в лес, где его поджидали раз-

бойники, намеренно провоцирует конфликт, в результате которого в кулачном бою одерживает победу:

Li quens Guillaumes ot le cuer mout irié, / De chou qu'il s'est malgré suen despoullés.

[У графа Гильома было очень **разгневанное / огорченное** сердце / От того, что ему пришлось против воли снять одежду.] (Anonyme. Moniage Guillaume. Seconde Rédaction) (Frantext 2024, 110).

Лучший рыцарь Франции не может допустить, чтобы оскорбившие его разбойники остались безнаказанными. Гнев и горечь овладевают сердцем Гильома, придавая ему сил для неравного, но победоносного боя с разбойниками.

В следующем примере описываются чувства сарацинского предводителя Эльмонта, узнавшего, что его войско терпит поражение в бою с французами. Раздосадованный Эльмонт в гневе упрекает своих баронов и грозит им расправой:

N'ot mais tel duel an trestot son aé, / Ne il ne fu an son cuer tant iré. [Никогда в жизни у него [Эльмонта] не было такого горя, / и никогда он не имел столь **разгневанное / огорченное** сердце.] (Anonyme. Aspremont) (Frantext 2024, 326).

В пародийном произведении «Роман о Лисе» Ренар хочет отомстить коту Тиберу за нанесенное оскорбление:

Se hui ne sui de toi vengiez, / mout en sera mes cuers iriez. [Если я сегодня не отомщу тебе, / Мое сердце будет очень **разгневанным / огорченным.**] (De Lison R. Roman de Renart. Branche 11) (Frantext 2024, 98).

Во всех проанализированных примерах используется клишированное выражение “*cuer iriez*” и его варианты для описания ярости и горечи, которые овладевали сердцами персонажей в результате военной неудачи или сильного душевного потрясения. Изначально анализируемая формула описывала чувства рыцаря, честь которого была задета и который стремился отомстить врагу, ведь идеальный рыцарь должен был одерживать победы во имя короля и веры (Манухина 2022, 36).

Заключение

Анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы. Старофранцузское абстрактное прилагательное “*iriez*”, производное от существительного “*ire*”, обозначает сильное отрицательное чувство, вызванное болью, стыдом, желанием отомстить врагу и другими

факторами, нарушающими душевное спокойствие героя. В современном французском языке это прилагательное имеет два эквивалента: “coléreux” (“разгневанный”), производное от существительного “colère”, вытеснившего в XV–XVI веках существительное “ire”, и “dolent” (“огорченный / страдающий”). То, что сейчас обозначается разными лексемами — гнев, горечь, страдание — ощущалось средневековым сознанием как неразрывно связанные явления и проявлялось синкретизмом значений на линии текста.

Употребление описываемого прилагательного в составе формулы с существительным “cuer / corage” позволяет увидеть особенность средневековой метафоры, отличающейся материали-

стичностью, абстрактность которой подкрепляется физическими ощущениями.

С языковой точки зрения, формула играет роль минимального контекста, внутри которого закрепляется амбивалентное значение прилагательного “iriéz”.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Артамонова, М. В. (2014) Вопрос о древнерусской синонимии в работах В. В. Колесова. В кн.: Е. И. Аринин (ред.). *Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и 800-летию Владимирской епархии*. Т. 8. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, с. 33–38.
- Дубовая, Е. В. (2020) Формульные конструкции введения речи персонажей в системе ритмико-синтаксических повторов эпического текста. В кн.: И. В. Харитонов, Г. В. Беликова, Д. С. Золотухин и др. (сост.). *Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сборник статей по итогам V международной конференции*. Т. 5. М.: Спутник+, с. 132–135.
- Клейнер, Ю. А. (2010) Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии. В кн.: Я. В. Васильков, М. А. Кислиер (ред.). *Поэтика традиции*. СПб.: Европейский дом, с. 18–44.
- Манухина, А. О. (2022) Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 13 (868), с. 35–40. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_13_868_35
- Boutet, D. (2017) *Poétiques médiévales de l'entre-deux, ou le désir d'ambiguïté*. Paris: Honoré Champion Publ., 486 p.
- Geylikman, Z. (2022) ‘Baron’ et ‘chevalier’ en français médiéval. *Une étude sémantique de noms d’humains dans la société féodale*. Paris: Honoré Champion Publ., 280 p.
- Hélix, L. (1999) *L'épreuve de vocabulaire d'ancien français. Fiches de sémantique*. Paris: Édition du Temps Publ., 224 p.
- Laharie, M. (1991) *La folie au Moyen Age. XIe–XIIIe siècles*. Paris: Le Léopard d’Or Publ., 307 p.
- Rychner, J. (1955) *La chanson de geste. Essai sur l’art épique des jongleurs*. Genève; Lille: E. Droz Publ.; Librairie Giard Publ., 174 p.
- Wathelet-Willem, J. (1964) A propos de la technique formulaire dans les plus anciennes chansons de geste. In: J. Renon (ed.). *Mélanges de linguistique romane et de Philologie médiévale offerts à M. Maurice Delbouille. Philologie Médiévale. Vol. 2*. Gembloux: J. Duculot Publ., pp. 705–727.

Dictionaries

- Godefroy, F. E. (1885) Ira. Ire. Iri. In: *Dictionnaire de l’ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle [Dictionary of the Old French language and all its dialects from the 9th to the 15th century]*. Vol. 4. Paris: F. Vieweg Publ., p. 608. (In French)
- Rey, A. (2010) Dolent [Painful]. In: *Dictionnaire historique de la langue française [Historical dictionary of the French language]*. Vol. 1. Paris: Le Robert Publ., pp. 628–629. (In French)
- Van Daele, H. (1901) Ire. In: *Petit dictionnaire de l’ancien français [Small dictionary of Old French]*. Paris: Librairie Garnier Frères Publ., p. 248. (In French)

Sources

Frantext. (2024) [Online]. Available at: <http://www.frantext.fr/> (accessed 05.05.2024). (In French)

References

- Artamonova, M. V. (2014) Vopros o drevnerusskoj sinonimii v rabotakh V. V. Kolesova [The question of Old Russian synonymy in the works of V. V. Kolesov]. In: E. I. Arinin (ed.). *Tserkov', gosudarstvo i obshchestvo v istorii Rossii i pravoslavnykh stran: religiya, nauka i obrazovanie. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashhennoj pamyati pravoslavnykh prosvetitelej svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya i 800-letiyu Vladimirskej eparkhii. T. 8* [Church, state and society in the history of Russia and orthodox countries: Religion, science and education. Proceedings of the VI International scientific conference dedicated to the memory of the orthodox enlighteners of Saints Cyril and Methodius and the 800th anniversary of the Vladimir Diocese. Vol. 8]. Vladimir: Vladimir State University Publ., pp. 33–38. (In Russian)
- Boutet, D. (2017) *Poétiques médiévales de l'entre-deux, ou le désir d'ambiguïté* [Medieval poetics of the between-two, or the desire for ambiguity]. Paris: Honoré Champion Publ., 486 p. (In French)
- Dubovaya, E. V. (2020) Formul'nye konstruksii vvedeniya rechi personazhej v sisteme ritmiko-sintaksicheskikh povtorov epicheskogo teksta [Formula constructions for the introduction of characters' speech in the system of rhythmic-syntactic repetitions of the epic text]. In: I. V. Kharitonova, G. V. Belikova, D. S. Zolotukhin et al. (comps.). *Yazyk i dejstvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka: sbornik statej po itogam V mezhdunarodnoj konferentsii. T. 5* [Language and reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after V. G. Gak: Collection of articles on the results of the V International conference. Vol. 5]. Moscow: Sputnik+ Publ., pp. 132–135. (In Russian)
- Geylikman, Z. (2022) 'Baron' et 'chevalier' en français médiéval. Une étude sémantique de noms d'humains dans la société féodale ['Baron' and 'knight' in medieval French. A semantic study of human names in feudal society]. Paris: Honoré Champion Publ., 280 p. (In French)
- Hélix, L. (1999) *L'épreuve de vocabulaire d'ancien français. Fiches de sémantique*. [The Old French vocabulary test. Semantics studies]. Paris: Édition du Temps Publ., 224 p. (In French)
- Klejner, Yu. A. (2010) Yazyk poeticheskoy traditsii v sinkhronii i diakhronii [The language of the poetic tradition in synchrony and diachrony]. In: Ya. V. Vasil'kov, M. L. Kisilier (eds.). *Poetika traditsii* [The poetics of tradition]. Saint Petersburg: Evropejskij dom Publ., pp. 18–44. (In Russian)
- Laharie, M. (1991) *La folie au Moyen Age. XIe–XIIIe siècles* [Madness in the Middle Ages. XI–XIII centuries]. Paris: Le Léopard d'Or Publ., 307 p. (In French)
- Manuhina, A. O. (2022) Vanitas v srednefrantsuzskom romane “Chevalier errant” Tommazo Salutstso (evolyutsiya kodeksa chesti rytsarya v XIV veke) [Vanitas in the Middle French Novel “Chevalier errant” by Tommaso Saluzzo (the evolution of the “Knight's code of Honor” in the XIV century)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 13 (868), pp. 35–40. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_13_868_35 (In Russian)
- Rychner, J. (1955) *La chanson de geste. Essai sur l'art épique des jongleurs* [The chansons de geste. Essay on the epic art of jugglers]. Genève; Lille: E. Droz Publ.; Librairie Giard Publ., 174 p. (In French)
- Wathelet-Willem, J. (1964) A propos de la technique formulaire dans les plus anciennes chansons de geste [About the form technique in the oldest chansons de geste]. In: J. Renson (ed.). *Mélanges de linguistique romane et de Philologie médiévale offerts à M. Maurice Delbouille. Philologie Médiévale* [Mixtures of romance linguistics and medieval philology offered to Mr. Maurice Delbouille. Medieval philology]. Vol. 2. Gembloux: J. Duculot Publ., pp. 705–727. (In French)

Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 811.161.1'276.5

EDN VUGBQQ

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-163-171>

Проблема перевода латинских интерференций в тексте военного устава И. Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»

А. А. Терещук

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Андрей Андреевич Терещук,
SPIN-код: [1210-6319](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
Scopus AuthorID: [57196032112](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
ResearcherID: [R-5417-2019](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
ORCID: [0000-0001-8838-9302](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

Для цитирования: Терещук, А. А. (2024) Проблема перевода латинских интерференций в тексте военного устава И. Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 3, с. 163–171. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-163-171>
EDN VUGBQQ

Получена 5 октября 2024; прошла рецензирование 22 октября 2024; принята 24 октября 2024.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Язык русских военных уставов XVII века» (проект № 23-28-00776).

Права: © А. А. Терещук (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В настоящей статье анализируются лексические интерференции из латинского языка в различных переводах военного устава XVII в. И. Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß». Под латинскими интерференциями понимаются слова, словосочетания и короткие цитаты на латинском языке, включенные без перевода в оригинальный немецкий текст и маркированные шрифтом. В то время как весь текст устава набран готическим шрифтом, интерференции выделены прямым (римским) шрифтом. В исследовании сопоставляются немецкий оригинал устава, опубликованный в 1615 г. в Оппенхайме; перевод на нидерландский (голландский) язык, выпущенный в 1617 г. в Арнеме; перевод на русский язык, выполненный с нидерландской версии устава и напечатанный в 1647 г. в Москве под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». В работе использованы лингвистико-этимологический, сравнительно-сопоставительный и количественный методы анализа. В ходе проведенного исследования была зафиксирована 321 латинская лексема в немецком тексте, которая употребляется в общей сложности 1234 раза. У некоторых латинских лексем отмечается семантический сдвиг под влиянием романских языков XVII в. В нидерландском переводе устава зафиксирована 121 маркированная латинская лексема, которые встречаются в тексте 210 раз. Высказывается предположение, что сокращение числа латинских интерференций в нидерландской версии могло быть обусловлено политическими причинами. Русский текст устава не содержит маркированных латинских интерференций. При переводе было сохранено 38 латинизмов из нидерландской версии, из которых 34 представляют имена собственные. Показаны ошибки русского переводчика при передаче латинских имен собственных, а также использование им внутритекстовых глосс.

Ключевые слова: Вальгаузен, история русского языка, XVII век, немецкий язык, нидерландский язык, военный устав

The problem of translating Latin interferences in the text of J. J. von Wallhausen's military charter "Training and skill of military order for infantrymen"

A. A. Tereshchuk ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Andrei A. Tereshchuk,
SPIN: [1210-6319](#), Scopus AuthorID:
[57196032112](#), ResearcherID: [R-5417-2019](#), ORCID: [0000-0001-8838-9302](#),
e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

For citation: Tereshchuk, A. A. (2024) The problem of translating Latin interferences in the text of J. J. von Wallhausen's military charter "Training and skill of military order for infantrymen". *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 163–171. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-163-171>
EDN [VUGBQQ](#)

Received 5 October 2024;
reviewed 22 October 2024;
accepted 24 October 2024.

Funding: The work is part of the project of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00776, "The language of Russian military regulations of the 17th century".

Copyright: © A. A. Tereshchuk (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).

Abstract. The article is devoted to the analysis of lexical interferences from the Latin language in various translations of the 17th century military charter of J. J. von Wallhausen "Kriegskunst zu Fuß". Latin interferences are understood as words, phrases, and short quotations in Latin, included without translation in the original German text and marked with font. The entire text of the book is typeset in Gothic font, interferences are highlighted in Roman font. The study compares the German original of the charter, published in 1615 in Oppenheim; the translation into Dutch, published in 1617 in Arnhem; the translation into Russian, made from the Dutch version of the text and published in 1647 in Moscow under the title "Training and Skill of Military Order for Infantrymen". 321 Latin lexemes were identified in the German text; they are used 1234 times. Some Latin lexemes show a semantic shift under the influence of the Romance languages of the 17th century. In the Dutch translation of the charter, 121 marked Latin lexemes are recorded, they are used 210 times. It is suggested that the reduction in the number of Latin interferences in the Dutch version could be explained by political reasons. The Russian text of the charter does not contain marked Latin interferences. During the translation, 38 Latinisms from the Dutch version were preserved, of which 34 are proper names. The errors of the Russian translator in rendering Latin proper names, as well as his use of intratextual glosses, are shown.

Keywords: Wallhausen, history of the Russian language, 17th century, German language, Dutch language, military charter

Введение

Тексты военных уставов XVII–XVIII вв. представляют собой ценный источник для изучения истории русского языка. Отечественная культура этого периода имела переходный характер и испытывала сильное влияние Западной Европы; отметим, что влияние наблюдается еще до петровских реформ и становится особенно заметным в правление Алексея Михайловича (1645–1676) (Вернадский 1997, 147; Панченко 1999, 297). Культурное воздействие стран Западной Европы находило отражение в языке, в том числе и в официально-деловом стиле, который в рассматриваемый период отличался «значительной новизной используемых речевых средств» (Руднев 2022, 180). Кроме того, вторая половина XVII — начало XVIII в. — это время коренных преобразований в русской армии, ее перестройки по западному образцу (Bushkovitch 2002). Закономерно, что в последние годы был

опубликован целый ряд исследований, обращающихся к анализу лингвистических особенностей военных уставов этого периода (Пушкарева 2021; Руднев 2022; 2024; Руднев, Пушкарева 2021; Руднев, Шарихина 2024; Русаковский 2018; Садова 2021; Rusakovskiy 2020).

Наиболее известный русский военный устав XVII в. — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (далее — «Учение»), текст которого был опубликован в 1647 г. на Московском печатном дворе. «Учение» представляет собой перевод устава И. Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß», впервые выпущенного в 1615 г. в Оппенхайме на немецком языке¹. Данный текст привлек к себе внимание лингвистов в середине прошлого века: языковые особенности «Учения» стали

¹ В XIX в. высказывались неверные предположения, что «Учение» — это перевод устава Карла V (то есть текста первой половины XVI в.) (Обручев 1853, 29) или переложение на русский язык известного трактата Л. Фронспергера (Медовиков 1854, 185).

предметом анализа в кандидатской диссертации Р. И. Сидоренко (Сидоренко 1960); отметим и важную роль языковедческого компонента в историческом исследовании П. П. Епифанова (Епифанов 1954). Большое значение в изучении русского текста «Учения» имеет опубликованная в 1952 г. в Осло на французском языке монография норвежского слависта К. Ш. Станга, которая посвящена языковому анализу книги, в первую очередь — вопросам морфологии (Stang 1952). Особенную роль для дальнейших исследований в данной области имеет сделанный Стангом вывод, что перевод русского текста осуществлялся не с немецкого оригинала, а с версии устава на нидерландском (голландском) языке (Stang 1952, 7). Во второй половине XX в. «Учение» стало одним из источников для монографии Ф. П. Сороколетова, в которой изучается развитие специальной военной терминологии в русском языке (Сороколетов 1970). Уже в XXI в. текст Вальгаузена снова заинтересовал исследователей, которые обратились к проблемам рецепции данного текста читающей публикой в Московском царстве (Малов 2006, 40, 55–56, 113; Rusakovskiy 2020).

Несмотря на существующую еще с XIX в. традицию изучения текста «Учения», целый ряд аспектов, связанных с языковым анализом памятника, остается не рассмотренным в научной литературе. Так, не был проведен комплексный анализ русского текста в сравнении с нидерландской и немецкой версиями; также не были сделаны попытки сопоставить немецкую и нидерландскую версии.

Методология

Одна из актуальных проблем — вопрос о переводе латинских интерференций в тексте Вальгаузена. В немецкой версии трактата встречаются маркированные иноязычные элементы: вся книга набрана готическим шрифтом, интерференции выделены прямым (римским). Представляется обоснованным определять данные лексические единицы именно как лексические интерференции, то есть «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» (Вайнрайх 1979, 22)².

² Латинские вставки в уставе Вальгаузена можно было бы также определить как «иноязычные вкрапления». В отличие от заимствований, вкрапления сохраняют «иносистемный облик вкрапливаемого элемента» (Крысин 2021, 23). Однако в анализируемом тексте некоторые элементы на других языках приобретают немецкие аффиксы, что нетипично для иноязычных вкраплений (например, фиксируется гибридная форма *approchiren*, ‘приближаться’, от франц. *approcher*).

Эти интерференции представляют собой отдельные слова и словосочетания; в отдельных случаях Вальгаузен приводит целые фразы на иностранном языке (устойчивые выражения или цитаты из других трактатов). В немецком оригинале фиксируются интерференции из латинского, французского, испанского и итальянского языков.

В настоящей статье анализируется перевод латинских интерференций из немецкого оригинала устава Вальгаузена (Wallhausen 1615) в нидерландской версии книги, выпущенной в 1617 г. в Арнеме (Wallhausen 1617), и в русском тексте устава, напечатанном в 1647 г. в Москве (Учение... 1904)³. Интерес представляют только маркированные латинские интерференции — те иноязычные элементы, которые в немецкой и в нидерландской версиях трактата выделены шрифтом. Немаркированная лексика латинского происхождения в данном исследовании нас не интересует: например, старонидер. *meyster*, современное *meester* ‘мастер, хозяин’, хотя этимологически и является латинизмом, но к числу интерференций отнесено быть не может. Языковые примеры приводятся в орфографии автора (например, многие латинские имена существительные Вальгаузен пишет с прописной буквы).

Результаты исследования

В немецкой версии устава зафиксирована 321 лексическая единица. Эти единицы мы относим к интерференциям из латинского языка; общее число их употреблений — 1234. Сам факт включения в текст Вальгаузена слов или словосочетаний на латинском языке не является неожиданным: употребление латинизмов было распространенной практикой в военных текстах XVII в. на немецком языке (Staiano-Daniels 2020, 149–150). Вальгаузен включает в текст только отдельные слова и словосочетания на французском, испанском и итальянском, однако в ряде случаев помещает в свой труд целые цитаты на латинском языке. Многие из них представляют собой цитаты из книги позднеантичного римского историка Вегеция «О военном деле» («*De re militari*»), которая получила широкое распространение в Европе XVII в. (Parrott 2001, 25).

Наиболее частотные латинские лексемы в немецкой версии — единицы, отсылающие читателя к многочисленным иллюстрациям либо

³ В настоящей работе использовано издание «Учения», выпущенное в 1904 г., сохраняющее орфографические и пунктуационные особенности оригинала.

к другим книгам, на которые ссылается автор: *Numerus*, 'номер' (также сокращение *Num.* и форма аблатива единственного числа *Numero*) (147 случаев употребления), *Litera*, 'литера' (115), *Figura*, 'фигура, картинка' (65), *cap.* (сокращение от *capitulum*, 'глава') (37), *punctus* (аблатив *puncto*, 'пункт') (26). Из остальной лексики чаще всего встречаются лексемы *Exercitio*, 'упражнение' (38), *Bellum* 'война' (19) и *Corpus* 'тело' (19). Отметим, что последняя лексема часто употреблялась в значении «отряд солдат, полк». Данный семантический сдвиг объясняется влиянием современных Вальгаузену романских языков, в которых производное от *corpus* может употребляться именно в таком значении (ср.: исп. *cuervo*, итал. *corpo*, порт. *corpo*; фр. *corps*). С точки зрения семантики, латинские интерференции в тексте Вальгаузена относятся преимущественно к военному делу (*hostis*, 'противник'; *militaris*, 'военный'), образовательному процессу (*Scientia*, 'наука'; *disciplina*, 'обучение') или праву (*Declaratio*, 'заявление'; *legitimus*, 'легитимный').

Количество интерференций в нидерландском переводе снижается по сравнению с немецким оригиналом: 121 маркированная в тексте лексема, 210 случаев употребления. В ряде случаев при переводе латинская интерференция в немецком тексте передается однокоренной лексемой в нидерландском языке, то есть заимствованием из латыни⁴. Например, лат. *Exercitio* 'упражнение' (Wallhausen 1615, 151) может передаваться через нидер. *exercitie* (Wallhausen 1617, 111); в русском переводе *учение* (Учение... 1904, 280). При этом нидер. *exercitie*, естественно, не маркируется шрифтом, так как не воспринимается переводчиком как иноязычный элемент.

Наиболее частотными латинскими интерференциями в нидерландском тексте являются *Bellum* 'война' (8 случаев употребления), *Numerus* 'номер' (6), *castrum* 'крепость' (5). Если лексема *Numerus* и сокращенная форма *Num.* в большинстве случаев (кроме упомянутых шести примеров) набираются в тексте 1617 г. готическим шрифтом и по этой причине не относятся нами к числу интерференций, то другим латинизмам подобраны имеющиеся в нидерландском эквиваленты. Так, лексема *Bellum* употребляется 19 раз в немецком тексте и всего 8 раз в нидер-

ландском; в остальных случаях она передается лексемами *oorlog* и *krijg* 'война', которые восходят к прагерманскому.

Сокращение числа латинских интерференций в нидерландском тексте может объясняться сочетанием нескольких факторов. В первую очередь отметим, что начало XVII в. — это время формирования литературного языка в Нидерландах, в основу которого легла языковая разновидность, распространенная в Амстердаме и провинции Голландия (Donaldson 1983, 101). Этот процесс совпал с Нидерландской войной за независимость от Испании, в результате которой на политической карте Европы появилось новое государство — Республика Соединенных провинций (фактически — в 1581 г., юридически — в 1648 г.). Как известно, политический национализм и рост национального самосознания часто связаны с пуризмом в языковой политике (Schiffman 1996, 62). Именно соображениями пуризма и желанием показать богатство родного языка мог руководствоваться переводчик нидерландского текста, сокращая число латинских интерференций.

Другое предположение может иметь отношение к религиозному и политическому факторам. Конечно, нидерландский язык в разные периоды своей истории испытывал определенное влияние латинского, которое проявлялось на всех языковых уровнях (Schrijver 2014, 122–157). В XVI в. влияние латыни было заметно даже на морфосинтаксическом уровне (Donaldson 1983, 96). При этом в начале XVII в. латинский мог ассоциироваться у многих голландцев с Католической церковью, Контрреформацией и Испанией. В момент публикации нидерландского текста (1617 г.) между Республикой Соединенных провинций и Испанией действовало Двенадцатилетнее перемирие (1609–1621), однако было понятно, что сразу после его окончания боевые действия возобновятся. Во всей Европе росло напряжение в отношениях между католиками и протестантами, и уже в 1618 г., на следующий год после публикации нидерландской версии устава, началась Тридцатилетняя война. В данном контексте у части голландского общества, особенно в военной среде, могло выработаться негативное отношение к латинскому языку. Показательно, что, например, в Лейденском университете, одном из центров лютеранского образования в Европе, с 1600 г. началась подготовка военных инженеров; все обучение, а также выпуск учебной литературы производились исключительно на нидерландском языке, а не на латинском (распространенном в университетах католической Европы) (Hart 2014, 66).

⁴ М. Хаспельмат определяет заимствование как «a word that at some point in the history of a language entered its lexicon as a result of borrowing (or transfer, or copying)», 'слово, которое в определенный момент истории языка вошло в его лексикон в результате заимствования (или трансфера, или копирования)' (Haspelmath 2009, 36). В отличие от заимствования, интерференция имеет нестабильный характер; с течением времени некоторые лексические интерференции могут стать заимствованиями.

Имя русского переводчика и причина, по которой перевод «Учения» осуществлялся с нидерландской версии, а не с немецкого оригинала, остаются неизвестными. При этом теоретически латинские интерференции, сохранявшиеся в нидерландском тексте, не должны были вызывать сложности у переводчиков из Посольского приказа. В 1640-е гг. в Москве было две группы переводчиков с латинского языка: с классической латыни и с «цесарского латинского», то есть с языка, использовавшегося в канцелярии при дворе императоров Священной Римской империи (Сквайрс, Григорьева 2002, 39). Кроме того, знание латинского языка было широко распространено среди образованной части общества (Виноградов 1982, 38). Соответственно, при переводе в начале XVII в. на русский язык другого известного немецкого военного трактата — «Воинской книги» Л. Фронспергера — в тексте было сохранено большое количество латинизмов; в отдельных случаях переводчики использовали латинские лексемы для передачи некоторых немецких слов (Русаковский 2018, 57).

При переводе устава Вальгаузена автор русского текста, наоборот, максимально сократил количество латинских интерференций. Из 210 случаев употребления маркированных латинских интерференций в нидерландском тексте при переводе на русский осталось всего 38, при этом все они переданы кириллицей. В 34 случаях фиксируются латинские имена собственные (преимущественно известных полководцев Античности). Незнание переводчиком некоторых персонажей античной культуры привело к ошибкам в русском тексте. Так, Вальгаузен ссылается на жизнеописание Марка Порция Катона-младшего, составленное известным историком Плутархом: *Vom Catone wirt bey dem Plutarcho gelesen*⁵, «О Катоне читается у Плутарха» (Wallhausen 1615, 13). При переводе на нидерландский язык это предложение было передано в активном залоге: *Wy lesen by Plutarcho van Catone*, «Мы читаем у Плутарха о Катоне» (Wallhausen 1617, 10). Учитывая, что предлог *van* может выражать в нидерландском языке самые разные отношения, переводчик полностью перестроил все предложение, в котором эти две разные персоналии слились в одного человека: *Фегетисъ выше сего поименованныхъ книгахъ прото написалъ про Плутарха Катонскаго* (Учение... 1904, 38). В другом случае переводчик опустил незнакомое ему латинское имя соб-

ственное: фраза в нидерландской версии *Post nubila Phœbus: Dat is na den regen schijnt de Sonne wederom*⁶ («После туч — Феб: то есть после дождя снова светит солнце») (Wallhausen 1617, 111) передана на русский как *После дождя ведро, и солнечное сияние бываетъ* (Учение... 1904, 278), то есть латинская фраза оставлена без перевода. Переводчик мог не знать о том, что Фебом называли бога Аполлона, олицетворявшего солнце, либо сознательно решил избежать упоминания языческого божества в русском тексте.

Конечно, приведенные примеры не означают, что автор русского перевода не обладал никакими сведениями об античной культуре. Так, он знал о том, кто такой Александр Македонский: при переводе интерференции в нидерландском тексте *Alexandro de groote*⁷ (Wallhausen 1617, 10) была использована форма родительного падежа с окончанием *-ого*: *Александра Макидонского* (Учение... 1904, 38) вместо дословного перевода *Александра Великаго*. Не вызвала сложностей и передача таких имен собственных, как *Июлий Кесарь* (Учение... 1904, 22) или *Тертулианъ* (Учение... 1904, 38). У некоторых латинских имен собственных отмечаются разные варианты орфографии: например, имя историка Вегеция буквально на двух страницах передано четырьмя разными способами: *Фіетіусъ*, *Фегутіусъ*, *Фегетіусъ*, *Фегетисъ* (Учение... 1904, 37–38).

Остальные латинские интерференции, сохранившиеся в русском тексте, используются в тех случаях, когда они выполняют метаязыковую функцию, то есть их передача с помощью русского эквивалента привела бы к искажению смысла высказывания. Они могут сопровождаться внутритекстовыми глоссами: *Сіе слова война, въ латынскомъ языкѣ именуется белумъ* (Учение... 1904, 20). В данном примере автор русского текста вслед за оригиналом приводит ложную этимологию латинской лексемы, что оправдывает употребление латинизма: *И то сиртьчъ красно или пригоже* (Учение... 1904, 20). На самом деле в данном случае можно говорить об омонимии формы номинатива *bellum* «война» и формы аккузатива *bellum* «красивый». Сохранена в переводе и лексема *caput* «голова; командир», переданная на русский как *капиртъ* и *капетъ* (Учение... 1904, 58). В русском тексте указано, что *афранцузскимъ языкомъ капетъ голова* (Учение... 1904, 58). Во французском языке есть лексема *cap*, одно из значений которой — «командир» (но не *capet*). Автор русского текста неправильно интерпретировал нидерландскую

⁵ В оригинале фраза набрана готическим шрифтом, а слова *Catone* и *Plutarcho* — римским.

⁶ Слова *Post nubila Phœbus* выделены римским шрифтом.

⁷ Слова *de groote* выделены римским шрифтом.

фразе, в которой речь идет о том, что французское слово *capitaine* происходит от лат. *caput: en in't Francops Capitaine vant woozt Caput sijnen name heeft* ('во французском языке слово Capitaine происходит от Caput') (Wallhausen 1617, 19).

Особенный интерес представляет передача на русский язык латинской интерференции *Vicarium* 'заместитель': в тексте «Учения» она напечатана с начальным «ф»: *фикарий* (Учение... 1904, 59). Это наблюдение служит еще одним подтверждением гипотезы Станга о том, что источником для русского перевода послужил именно нидерландский текст: в немецком языке в большинстве заимствований из латыни начальная буква «v» передает звук [v] (ср.: *Vikar*, 'викарий'), но в нидерландском [v] в начале слова всегда оглушается.

Вопрос о том, почему в русском тексте сократилось число латинских интерференций (а сохранившиеся не были маркированы), требует отдельного рассмотрения. Можно предположить, что, как и в случае с нидерландской версией, переводчик руководствовался соображениями пуризма и отрицательно относился к латинскому языку, ассоциировавшемуся с Католической церковью. В то время как одна часть интеллектуальной элиты Московского царства владела латинским языком и была готова воспринимать культурные или языковые иностранные инновации, для другой части влияние западноевропейской культуры представлялось негативным явлением и даже отступлением от Православной веры. «Не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не берегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго», — писал лидер старообрядцев протопоп Аввакум (Аввакум 1979, 78). Хотя

на момент перевода устава Вальгаузена до реформ патриарха Никона оставалось еще несколько лет, противостояние между будущими старообрядцами и «никонианами» проявлялось уже в 1640-е гг. Впрочем, в случае обнаружения какой-либо информации о личности автора русского текста любые предположения о причинах выбора им переводческой стратегии могут быть пересмотрены.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в оригинальный немецкий текст устава Вальгаузена включена 321 маркированная латинская лексическая единица, которая употребляется в общей сложности 1234 раза. При переводе на нидерландский язык число латинских интерференций сократилось до 210 случаев употребления. Это сокращение могло быть обусловлено причинами политического характера. В русском тексте сохранилось только 38 латинизмов, из которых 34 представляют собой имена собственные. При этом переводчик отказался от идеи включать в текст слова на иностранном языке в их оригинальной форме и маркировать их шрифтом: немногочисленные латинские интерференции, которые сохранились в тексте «Учения», набраны кириллицей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Аввакум (1979) *Житие протопопа Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 367 с.
- Вайнрайх, У. (1979) *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Киев: Вища школа, 263 с.
- Вернадский, Г. В. (1997) *Русская история*. М.: Аграф, 542 с.
- Виноградов, В. В. (1982) *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* М.: Высшая школа, 527 с.
- Епифанов, П. П. (1954) «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». О книге по военному искусству (Из истории русской армии XVII в.). *Ученые записки Московского государственного университета*, вып. 167, с. 77–98.
- Крысин, Л. П. (2021) *Очерки по социолнгвистике*. М.: Флинта, 360 с.
- Малов, А. В. (2006) *Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг.* М.: Древлехранилище, 624 с.
- Медовиков, П. Е. (1854) *Историческое значение царствования Алексея Михайловича*. М.: Тип. А. Семена, 256 с.

- Обручев, Н. Н. (1853) *Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год*. СПб.: Типография К. Крайя, 151 с.
- Панченко, А. М. (1999) *Русская история и культура: работы разных лет*. СПб.: Юна, 520 с.
- Пушкарева, Н. В. (2021) Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, т. 43, № 6, с. 57–64. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.657>
- Руднев, Д. В. (2022) Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания). *Сибирский филологический журнал*, № 1, с. 178–191.
- Руднев, Д. В. (2024) Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 87, с. 91–109.
- Руднев, Д. В., Пушкарева, Н. В. (2021) Регламенты петровского времени в аспекте императивности. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, т. 20, № 4, с. 36–49. <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2021.4.3>
- Руднев, Д. В., Шарихина, М. Г. (2024) «... Надобно их заряжати патронами, сиречь зарядцы готовыми или ладунками...»: глоссы переводчиков в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607–1621). *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, № 3, с. 10–19.
- Русаковский, О. В. (2018) «Воинские книги» 1607/1620 г. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, т. 73, № 3, с. 53–63.
- Садова, Т. С. (2021) Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, т. 43, № 3, с. 8–16. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.595>
- Сидоренко, Р. И. (1960) *Военная лексика памятника XVII века «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Львов, Львовский государственный университет им. И. Я. Франко, 16 с.
- Сквайрс, Е. Р., Григорьева, Е. В. (2002) Латинские и немецкие тексты самозванца Лже-Шуйского II (Тимофея Анкидинова): лингвистические аспекты проблемы подлинности. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 3 (9), с. 29–42.
- Сороколетов, Ф. П. (1970) *История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)*. Л.: Наука, 381 с.
- Учение и хитрость ратного строения пехотных людей*. (1904) СПб.: Типография «Бережливость», 357 с.
- Bushkovitch, P. (2002) The Romanov transformation, 1613–1725. In: F. W. Kagan, R. Higham (eds.). *The military history of Tsarist Russia*. New York: Palgrave Macmillan Publ., pp. 31–46. https://doi.org/10.1007/978-0-230-10822-6_3
- Donaldson, B. C. (1983) *Dutch. A linguistic history of Holland and Belgium*. Leiden: Martinus Nijhoff Publ., 199 p.
- Hart, M. (2014) *The Dutch Wars of Independence: Warfare and commerce in the Netherlands 1570–1680*. London: Routledge Publ., 248 p. <https://doi.org/10.4324/9781315817071>
- Haspelmath, M. (2009) Lexical borrowing: Concepts and issues. In: Haspelmath, M., Tadmor, U. (eds.). *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter Publ., pp. 35–54. <https://doi.org/10.1515/9783110218442>
- Parrott, D. (2001) *Richelieu's army: War, government, and society in France, 1624–1642*. Cambridge: Cambridge University Press, 628 p.
- Rusakovskiy, O. V. (2020) The Russian edition of Johann Jacobi von Wallhausen's "Kriegskunst zu Fuß" (1649): The history of a failure? *Militaergeschichtliche Zeitschrift*, vol. 79, no. 1, pp. 1–25. <https://doi.org/10.1515/mgzs-2020-0001>.
- Schiffman, H. F. (1996) *Linguistic culture and language policy*. London; New York: Routledge Publ., 364 p.
- Schrijver, P. (2014) *Language contact and the origins of the germanic languages*. New York: Routledge Publ., 244 p.
- Staiano-Daniels, L. (2020) A brief introduction to seventeenth-century military manuscripts and military literacy. *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 142–163. <https://doi.org/10.1353/mns.2020.0010>
- Stang, C. S. (1952) *La langue du livre "Uchenie i khitrost' ratnago stroeniia piekhotnykh liudei"; 1647: Une monographie linguistique*. Oslo: I kommisjon hos J. Dybwad Publ., 86 p.
- Wallhausen, J. J. (1615) *Kriegskunst zu Fuß*. Oppenheim: De Bry Publ.; Gallerus Publ., 154 p.
- Wallhausen, J. J. (1617) *Krychs-konst te voet*. Arnem: [s. n.], 117 p.

References

- Bushkovitch, P. (2002) The Romanov transformation, 1613–1725. In: F. W. Kagan, R. Higham (eds.). *The military history of Tsarist Russia*. New York: Palgrave Macmillan Publ., pp. 31–46. https://doi.org/10.1007/978-0-230-10822-6_3 (In English)
- Donaldson, B. C. (1983) *Dutch. A linguistic history of Holland and Belgium*. Leiden: Martinus Nijhoff Publ., 199 p. (In English)

- Epifanov, P. P. (1954) "Uchenie i khitrost' ratnogo stroeniya pekhotnykh lyudej". O knige po voennomu iskusstvu (Iz istorii russkoj armii XVII v.) ["The doctrine and cunning of the military structure of infantrymen". About a book on military art (From the history of Russian army of the 17th century)]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta — Scientific Notes of Moscow State University*, no. 167, pp. 77–98. (In Russian)
- Avvakum (1979) *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya [The life written by himself]*. Irkutsk: "Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 367 p. (In Russian)
- Hart, M. (2014) *The Dutch Wars of Independence: Warfare and commerce in the Netherlands 1570–1680*. London: Routledge Publ., 248 p. <https://doi.org/10.4324/9781315817071> (In English)
- Haspelmath, M. (2009) Lexical borrowing: Concepts and issues. In: Haspelmath, M., Tadmor, U. (eds.). *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter Publ., pp. 35–54. <https://doi.org/10.1515/9783110218442> (In English)
- Krysin, L. P. (2021) *Ocherki po sotsiolingvistike [Writings on sociolinguistics]*. Moscow: Flinta Publ., 360 p. (In Russian)
- Malov, A. V. (2006) *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyj period svoej istorii. 1656–1671 gg. [Moscow elected regiments of the soldiery in the initial period of their history. 1656–1671]*. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 624 p. (In Russian)
- Medovikov, P. E. (1854) *Istoricheskoe znachenie tsarstvovaniya Alekseya Mikhajlovicha [The historical significance of the reign of Aleksei Mikhailovich]*. Moscow: Tipografiya A. Semena Publ., 256 p. (In Russian)
- Obruchev, N. N. (1853) *Obzor rukopisnykh i pechatnykh pamyatnikov, otnosyashchikhsya do istorii voennogo iskusstva v Rossii po 1725 god [The review of handwritten and printed materials related to the history of military art in Russia before 1725]*. Saint Petersburg: Tipografiya K. Krajsya Publ., 151 p. (In Russian)
- Panchenko, A. M. (1999) *Russkaya istoriya i kul'tura: raboty raznykh let [Russian history and culture: Works of different years]*. Saint Petersburg: Yuna Publ., 520 p. (In Russian)
- Parrott, D. (2001) *Richelieu's army: War, government, and society in France, 1624–1642*. Cambridge: Cambridge University Press, 628 p. (In English)
- Pushkareva, N. V. (2021) Osobennosti proyavleniya imperativnosti v tekste "Ustava Morskogo" 1720 goda [Specific features of imperativeness in the text of the 1720 Naval Charter]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta — Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 43, no. 6, pp. 57–64. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.657> (In Russian)
- Rudnev, D. V. (2022) Yazyk Generalnogo reglamenta 1720 goda (k 300-letiyu pervogo izdaniya) [Language of the General Regulations of 1720 (on the occasion of the 300th anniversary of its first edition)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal — Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 178–191. (In Russian)
- Rudnev, D. V. (2024) Imperativnye konstruksii v "Ustave ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoj nauki" [Imperative constructions in the Charter of military, cannon and other matters relating to military science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Tomsk State University Journal of Philology*, no. 87, pp. 91–109. (In Russian)
- Rudnev, D. V., Pushkareva, N. V. (2021) Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the aspect of imperativeness]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 36–49. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>. (In Russian)
- Rudnev, D. V., Sharikhina, M. G. (2024) "... Nadobno ikh zaryazhati patronami, sirech' zaryadtsy gotovymi ili ladunkami...": glossy perevodchikov v "Ustave ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoj nauki" (1607–1621) ["... It is necessary to load them with cartridges, that is, small ready-made chargers or small bags ...": Glosses of translators in the "Charter of military, cannon and other matters relating to military science" (1607–1621)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly — Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 3, pp. 10–19. (In Russian)
- Rusakovskiy, O. V. (2018) "Voinskie knigi" 1607/1620 g. i ikh nemetskij original. Popytka sopostavleniya ["Military books" of 1607/1620 and their German original. An attempt at comparison]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki — Old Russia. The Questions of Middle Ages*, vol. 73, no. 3, pp. 53–63. (In Russian)
- Rusakovskiy, O. V. (2020) The Russian edition of Johann Jacobi von Wallhausen's "Kriegskunst zu Fuß" (1649): The history of a failure? *Militaergeschichtliche Zeitschrift*, vol. 79, no. 1, pp. 1–25. <https://doi.org/10.1515/mgzs-2020-0001> (In English)
- Sadova, T. S. (2021) Slovo "nadlezhit" v sostave imperativnoj formuly v tekste "Ustava voinskago" 1716 goda [The word "nadlezhit" as part of the imperative formula in the Military Charter of 1716]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta — Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 43, no. 3, pp. 8–16. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.595> (In Russian)
- Schiffman, H. F. (1996) *Linguistic culture and language policy*. London; New York: Routledge Publ., 364 p. (In English)
- Schrijver, P. (2014). *Language contact and the origins of the germanic languages*. New York: Routledge Publ., 244 p. (In English)
- Sidorenko, R. I. (1960) *Voennaya leksika pamyatnika XVII veka "Uchenie i khitrost ratnago stroeniya pekhotnykh lyudej" [Military lexics of the the book of 17th century "Training and skill of military order for infantrymen"]*. Extended abstract of PhD dissertation (Phylology). Lvov, I. Ya. Franko Lvov State University, 16 p. (In Russian)

- Sorokoletov, F. P. (1970) *Istoriya voennoj leksiki v russkom yazyke (XI–XVII vv)*. [The history of the military lexicon in the Russian Language, XI–XVII centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 381 p. (In Russian)
- Staiano-Daniels, L. (2020) A brief introduction to seventeenth-century military manuscripts and military literacy. *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 142–163. <https://doi.org/10.1353/mns.2020.0010> (In English)
- Stang, C. S. (1952) *La langue du livre “Uchenie i khitrost’ ratnago stroeniia piekhotnykh liudei”, 1647: Une monographie linguistique* [The language of the book “Training and skill of military order for infantrymen”, 1647: A linguistic monograph]. Oslo: I kommisjon hos J. Dybwad Publ., 86 p. (In French)
- Squires, E. R., Grigorieva, E. V. (2002) Latinskie i nemetskie teksty samozvantsa Lzhe-Shujskogo II (Timofeya Ankininova): lingvisticheskie aspekty problemy podlinnosti [Latin and German texts by the Impostor False Shujskij II (Timofei Ankudinov): Linguistic aspects of authenticity]. *Drevnyaya Rus’ Voprosy medievistiki — Old Russia. The Questions of Middle Ages*, no. 3 (9), pp. 29–42. (In Russian)
- Uchenie i khitrost’ ratnago stroeniya pekhotnykh lyudej* [Training and skill of military order for infantrymen]. (1904) Saint Petersburg: Tipografiya “Berezhlivost” Publ., 357 p. (In Russian)
- Vernadsky, G. V. (1997). *Russkaya istoriya* [A history of Russia]. Moscow: Agraf Publ., 542 p. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1982) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv*. [Essays on the history of Russian literary language XVII–XIX centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 527 p. (In Russian)
- Wallhausen, J. J. (1615) *Kriegskunst zu Fuß* [The art of war on foot]. Oppenheim: De Bry Publ.; Gallerus Publ., 154 p. (In German)
- Wallhausen, J. J. (1617) *Krychs-konst te voet* [Krychs-art on foot]. Arnem: [s. n.], 117 p. (In Dutch)
- Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Languages in contact: Findings and problems]. Kyiv: Vishcha shkola Publ., 263 p. (In Russian)

УДК 81'322.4

EDN VASDBH

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-172-183>

Постредактирование машинного перевода как студенческий проект (на материале художественного текста)

К. В. Богданова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ксения Витальевна Богданова,
SPIN-код: 6977-6319,
ResearcherID: K-6461-2018,
ORCID: 0000-0003-4660-1373,
e-mail: ksuschannna@yandex.ru

Для цитирования:

Богданова, К. В. (2024)
Постредактирование машинного
перевода как студенческий проект
(на материале художественного
текста). *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 6, № 3, с. 172–183.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-172-183>
EDN VASDBH

Получена 3 июля 2024; прошла
рецензирование 19 августа 2024;
принята 4 сентября 2024.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © К. В. Богданова (2024).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается постредактирование машинного перевода (РЕМТ) как ключевой актуальный навык, который рекомендуется культивировать у начинающих переводчиков на фоне стремительного развития технологий автоматизации перевода. После вводного экскурса в историю машинного перевода (МП), начиная с первых экспериментов середины XX века и заканчивая нейросетями, автор обращается к МП художественной литературы в контексте практических занятий по РЕМТ. Ввиду того, что именно в художественном тексте сконцентрированы основные «слабые места» МП — эмоционально-оценочные коннотации, единицы с несвободной сочетаемостью, имитация живой разговорной речи и прочее — данный функциональный стиль может стать источником богатого наглядного материала для выявления, систематизации и исправления ошибок МП. Автор приводит конкретный случай из собственной педагогической практики: студенты третьего курса бакалавриата (направление подготовки «Перевод и переводоведение») успешно осуществили РЕМТ рассказа Надежды Тэффи «Рубин принцессы» (1905 г.), который был автоматически переведен с русского языка на американский английский. В ходе работы на базе специализированной платформы Phrasе начинающие лингвисты столкнулись с различными ошибками МП, классификация которых представлена в настоящей статье. Кроме нескольких единичных проблем с транслитерацией имен собственных, удалось выделить три группы повторяющихся ошибок в МП художественного текста: пунктуационные ошибки (55 шт.), лексико-семантические ошибки (67 шт.) и грамматические ошибки (13 шт.). Автор сопровождает типичные ошибки МП исправлениями, которые были предложены студентами в ходе РЕМТ, и в отдельных случаях предлагает собственные варианты. Неоднократно подчеркивается связь между вышеперечисленными ошибками и особенностями художественного функционального стиля, что оправдывает включение РЕМТ художественной литературы в число практических заданий для подготовки переводчиков.

Ключевые слова: постредактирование машинного перевода, автоматизация перевода, перевод художественной литературы, ошибки перевода, подготовка переводчиков, перевод с русского языка на английский

Post-editing machine translation as a student project, exemplified by literary fiction

К. В. Богданова

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Kseniia V. Bogdanova,
SPIN: 6977-6319,
ResearcherID: K-6461-2018,
ORCID: 0000-0003-4660-1373,
e-mail: ksuschannna@yandex.ru

For citation: Bogdanova, K. V. (2024) Post-editing machine translation as a student project, exemplified by literary fiction. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 172–183. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-172-183>
EDN VASDBH

Received 3 July 2024; reviewed 19 August 2024; accepted 4 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © K. V. Bogdanova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article examines post-editing machine translation (PEMT) as a key relevant skill that needs to be nurtured in aspiring translators amid the rapid development of translation automation technologies. Following a brief historical background of machine translation (MT), from the very first mid-20th century experiments to neural networks, the author turns to literary fiction in the context of PEMT tasks for students. Taking into consideration that literary texts in particular abound in the main MT “pitfalls” — words with emotional and evaluative connotations, idiomatic expressions, emulation of natural colloquial speech, and more — fiction is capable of providing rich illustrative material for identifying, systematizing, and correcting MT errors. The author cites a personal case study, wherein third-year BA students majoring in Translation and Translation Studies successfully performed PEMT on Nadezhda Teffi’s short story, *The Princess’s Ruby* (1905), which had been automatically translated from Russian into American English. While working with the Phrase translation platform, students encountered various MT errors, the classification of which is presented in this study. Apart from a few isolated issues with the transliteration of proper names, this article identifies three major groups of reoccurring errors in the literary text’s MT: punctuation errors (55 instances), lexical and semantic errors (67 instances), and grammatical errors (13 instances). The author accompanies these errors with corrections proposed by the students during PEMT and, in some cases, offers alternatives. The study repeatedly stresses that the recurrence of the aforementioned errors is tied to the unique features of literary fiction, which can justify including PEMT of literary texts into the roster of practical tasks for translator training.

Keywords: post-editing of machine translation, translation automation, literary translation, translation errors, translator training, Russian to English translation

Введение

Постоянный рост числа текстов из различных профессиональных областей, нуждающихся в переводе, требует поиска инструментов для их обработки в максимально сжатые сроки. Именно это позволяет делать машинный перевод (МП) — использование компьютерной техники для преобразования текста на одном естественном языке в текст на другом естественном языке, эквивалентный ему по содержанию (Маматкасимова 2022, 52).

У истоков МП стоят несколько научно-технических разработок: «машина для подбора и печатания слов», спроектированная П. Троянским в 1930-е гг. (История машинного перевода... 2019); меморандум У. Уивера от 1949 г., вдохновленный, в частности, успехами криптографии в годы Второй мировой войны и доказавший осуществимость перевода при помощи ЭВМ (Hutchins 1999); и, наконец, знаменитый Джоржтаунский эксперимент 1954 г. — первая в истории успешная операция по автоматиче-

скому переводу нескольких десятков предложений с русского языка на английский, которую компьютер модели IBM-701 осуществил с опорой на небольшую базу данных из 250 слов и 6 синтаксических правил (Жданова, Ефремова 2017). Именно к этому эксперименту восходит самая ранняя и, несмотря на успех первоначальной демонстрации, наименее продуктивная разновидность МП — перевод на основе правил (Rule Based Machine Translation, RBMT). В основе RBMT лежат четкие грамматические правила для языка оригинала и для языка перевода, встраиваемые, наряду с двуязычным словарем, непосредственно внутрь системы МП (Rule-based... 2024).

После того, как RBMT не оправдал себя, будучи недостаточно точным и при этом требуя значительных временных затрат, были предприняты попытки его усовершенствовать. В 1980-е гг. японские исследователи разработали так называемый «перевод на основе примеров» — Example Based Machine Translation, или EBMT — используя уже не набор грамматических правил

и словарь, а пары типовых предложений на языке оригинала и перевода (Ясаревская 2017). На смену ЕВМТ пришел сначала статистический перевод, в процессе которого компьютер оперирует гораздо большими по объему двуязычными корпусами, и, наконец, гибридный перевод. Как отмечает Л. Н. Беляева, все современные системы МП, в сущности, являются гибридными, сочетая использование «архивов» из предыдущих переводов с реализацией МП «для тех фрагментов текста, которые в этих архивах не найдены» (Беляева 2019, 13). В частности, начиная с 2016 г. в гибридном переводе активно используются нейронные сети — самообучаемые вычислительные алгоритмы, способные имитировать центральную нервную систему живых организмов, в том числе и человека (Иванько и др. 2019).

Итак, сегодня, спустя три четверти века после меморандума Уивера и Джорджтаунского эксперимента, благодаря усилиям лингвистов и математиков, а также стремительному распространению и совершенствованию компьютерных технологий, в распоряжении пользователей находится широчайший спектр инновационных инструментов МП: от специального программного обеспечения (ПО) до онлайн-сервисов для рядовых пользователей и корпоративных клиентов. Как следствие, все большая роль в арсенале переводческих задач отводится процедуре, известной как РЕМТ (post-editing/post-edited machine translation) — т. е. вычитке и исправлению результатов МП (транслята) усилиями лингвиста-человека (Камшилова, Беляева 2023). В прејскуранте переводческих фирм РЕМТ нередко выделяется как самостоятельная услуга (Чақырова 2013). Более того, исходя из личного опыта автора в сфере письменного перевода, отдельные бюро, привлекающие к сотрудничеству лингвистов-фрилансеров, практически полностью отошли от выполнения проектов для своих корпоративных заказчиков методом конвенционального перевода и предлагают своим исполнителям исключительно задачи на РЕМТ. Таким образом, нельзя не заключить, что обучение РЕМТ должно стать частью профессиональной подготовки студентов лингвистических и, в частности, переводоведческих специальностей.

Художественный текст как объект РЕМТ

Потребность в РЕМТ возникает потому, что, невзирая на огромный путь, преодоленный от самого раннего РВМТ до нынешних гибрид-

ных систем, процесс МП по-прежнему несовершенен и чреват характерными ошибками. Так, МП носит «локальный» характер: многие платформы МП разбивают исходный текст на отдельные предложения и даже фрагменты предложений — сегменты, каждый из которых воспринимается как самодостаточная изолированная сущность, оторванная от общего контекста. Это затрудняет анализ связей внутри сверхфразового единства и, тем самым, препятствует корректному соотношению местоимений-заместителей с их antecedентами, вызывает «путаницу» с синонимами и омонимами и т. д. Такой принцип перевода чреват и тем, что фразеологические единицы (ФЕ) в тексте оригинала будут переводиться путем калькирования — буквального воспроизведения внутренней структуры ФЕ лексическими средствами переводящего языка (Беляева 2019; Шукаева, Шидловская 2022). Основная отличительная особенность ФЕ — невозможность «вывести» общее значение единицы из суммы индивидуальных значений ее компонентов — при этом будет игнорироваться.

Кроме того, наличие в тексте труднораспознаваемых слов, таких как не общеизвестные имена собственные или «нестандартная» (архаичная, сниженная, диалектная) лексика, вызывает сбои в анализе предложения машинным алгоритмом и может привести к транслитерации в тех местах, где она не оправдана, или же неправильному определению имен собственных как нарицательных (Беляева 2019). Нельзя забывать и о том, что во многих системах МП существуют ограничения на максимально допустимую длину предложения, при которой синтаксическая структура воспроизводится корректно. Иными словами, ближе к концу развернутых сложноподчиненных конструкций возрастает вероятность «галлюцинаций» — ситуаций, когда алгоритм обнаруживает в анализируемой информации несуществующие элементы и генерирует ложные или бессмысленные выходные данные (What are AI... 2024).

В данной статье рассматривается использование художественного текста в задании на РЕМТ для студентов. Подобный выбор материала может на первый взгляд показаться не вполне обоснованным, т. к. МП в реальной практике нередко используется для работы с документами, отличающимися высокой степенью повторяемости и стандартизованности и выстроенными на устоявшейся терминологии и клишированных оборотах, с которыми современные системы МП справляются весьма успешно, особенно при грамотной интеграции

гlossариев и переводческой памяти. Художественные произведения, напротив, обладают целым рядом характеристик, затрудняющих МП — это не только и не столько длинные предложения (их в изобилии можно встретить и в текстах официально-делового стиля), но и различные стилистические приемы, «языковые игры» с синонимами, омонимами, ФЕ и прочее. Однако мы полагаем, что в силу особенностей художественного текста типичные неудачи МП предстанут в нем наиболее наглядно, что даст студентам, впервые имеющим дело с РЕМТ, прекрасную возможность начать тренироваться в выявлении ошибок и их сопровождении лингвистическими комментариями и анализом.

Заметим также, что в спектр материалов от корпоративных заказчиков, предлагаемых на РЕМТ профессиональным лингвистам, помимо «шаблонной» документации входят и маркетинговые тексты, близкие к художественным, поскольку реклама активно «заимствует» выразительные средства других функциональных стилей и «переподчиняет» их своей основной цели — воздействию на потенциальных покупателей (Морозова 2020, 3). Таким образом, РЕМТ художественных текстов может подготовить студентов и к РЕМТ рекламы.

Наконец, нельзя исключить и возможность того, что экономии средств и человеко-часов будет уделено больше внимания, чем качеству конечного литературного продукта, и в ближайшее время МП будет подвергаться все больше художественных текстов, с учетом текущей популяризации так называемого «вычислительного творчества» (Степаненко и др. 2020). Все вышесказанное делает целесообразным включение упражнений на РЕМТ художественного текста в программу практических занятий по переводу.

Если обратиться к двум типам РЕМТ, которые выделяет Ю. И. Чакырова (Чакырова 2013) и рассматривает А. О. Ушакова (Ушакова 2022), РЕМТ художественного текста относится к полному, или конвенциональному постредактированию. В отличие от неполного постредактирования, которое исследователи также называют «легким» или «быстрым», полное постредактирование подразумевает не просто беглое знакомство с транслятом с целью удостовериться, что конечный текст более или менее понятен читателю, невзирая на «стилистические ошибки и странно звучащие предложения» (Ушакова 2022, 71) — напротив, здесь преследуется цель превратить транслят в точное и законченное сообщение, неотличимое от созданного человеком и соответствующее всем требованиям к высоко-

качественному тексту соответствующего функционального стиля.

Можно заключить, что из перечня навыков постредактора, разработанного А. О. Ушаковой (Ушакова 2022), в РЕМТ художественного текста задействованы следующие: оценка степени собственного вмешательства в транслят; поиск ошибок МП и определение степени их критичности; дальнейшая обработка транслята в соответствии с техническим заданием (ТЗ) (например, при работе с литературным произведением в ТЗ можно включить восстановление художественной образности исходного текста в тех местах, где она была утеряна в силу несовершенства МП). Оценка качества МП также приучает начинающих переводчиков к самоконтролю.

Практический кейс: студенческий проект

Во II семестре 2023/2024 учебного года автор настоящей статьи предложил группе студентов третьего курса, обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Перевод и переводоведение» в Институте иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, осуществить РЕМТ художественного произведения в языковой паре «русский — американский английский». Для студенческого проекта был выбран рассказ «Рубин принцессы», написанный в 1905 г. выдающейся писательницей Н. А. Лохвицкой (1872–1952), более известной под псевдонимом Надежда Тэффи. Рассказ представляет собой субъективное повествование от третьего лица, раскрывающее внутренние переживания главного героя — Евгения Андреевича Руданова, который с глубоким нежеланием, раздражением и даже отвращением общается с дочерью покойного знакомого, одинокой и крайне больной девушкой по имени Аглая и прозвищу «Принцесса», пока последняя не умирает, пробудив в Руданове запоздалое чувство вины (Тэффи 1998).

Исходный текст содержит потенциально сложные для транслитерации имена собственные с фонемой «йот» /j/ (Евгений Андреевич, Аглая Николаевна), а также характеризуется лексическим многообразием и яркими речевыми портретами различных персонажей. Данные аспекты, как неоднократно отмечалось выше, входят в «зону риска» МП.

Работа с текстом осуществлялась на базе Phrase (Phrase TMS) — платформы для совместной деятельности переводчиков, редакторов и менеджеров переводческих проектов (Phrase

TMS... 2024). Все глоссарии, предыдущие переводы и другие материалы хранятся в облаке и доступны в любое время с любого устройства, а менеджер проекта — в данном случае в его роли выступал преподаватель — может следить за процессом перевода в режиме реального времени. В число возможностей, предоставляемых пользователям Phrase, также входит инструмент МП — Phrase Language AI.

Объем исходного текста, составляющий 4601 слово (или 27 994 знака с пробелами), является вполне достаточным, чтобы разбить рассказ на фрагменты и назначить на каждый из них студента из группы в качестве исполнителя. Такой режим работы с текстом позволяет симулировать реальный проект, в рамках которого лингвисты переводят разные части текста параллельно друг с другом, а затем результаты их работы сводятся воедино и проходят финальный контроль качества. К моменту создания проекта студенты уже получили определенный опыт работы с Phrase в рамках изучения второго иностранного языка, однако пока не имели возможности использовать Phrase Language AI, что позволило преподавателю интегрировать РЕМТ в учебный процесс как принципиально новое задание.

Характерные ошибки МП художественного текста

Сразу необходимо отметить, что перед началом работы у преподавателя и студентов возникли подозрения, что имена собственные в тексте могут быть транслитерированы неединообразно (например, имя отца героини, Николай Уздольский, в различных сегментах транслята теоретически могло бы быть отражено как *Nikolaj Uzdolskij*, *Nicholas Uzdolsky* и т. п.). В целях контроля над соблюдением единообразия студентам было предложено потренироваться в составлении базы терминов средствами Phrase. Фрагмент данной базы представлен на рисунке 1.

Однако в итоге студенты обнаружили, что Phrase Language AI удалось «не сбиться» при обработке имен собственных, которые были транслитерированы идентично на протяжении всего повествования, несмотря на принцип «локальности» МП и даже на то, что исходное произведение было разбито на несколько файлов. В англоязычном тексте фамилии, имена и отчества наиболее часто упоминаемых персонажей повсеместно переданы следующим образом: *Nikolai Uzdolsky*, *Aglaya Nikolaevna Uzdolskaya*, *Evgeny Andreevich Rudanov*. Однако

☰ Базы терминов / Ruby

Язык	Термин	Статус	Создан
☐ en ^{US}	Aglaya	Утверждено	07.05.2024 14:53
☐ ru	Аглая	Утверждено	07.05.2024 14:53
☐ en ^{US}	Rudanov	Утверждено	07.05.2024 14:50
☐ ru	Руданов	Утверждено	07.05.2024 14:50
☐ en ^{US}	Uzdolskaya	Утверждено	07.05.2024 14:55
☐ ru	Уздольская	Утверждено	07.05.2024 14:55

Рис. 1. Фрагмент базы терминов в интерфейсе Phrase

Fig. 1. Fragment of the term base in the Phrase interface

псевдоним самой писательницы, являющийся самым первым сегментом исходного текста, не был корректно распознан и преобразовался из «Надежда Тэффи» в транслит *Taffy's Hope* (рис. 2).

Таким образом, уже в самом начале выполнения задачи по РЕМТ студентам пришлось столкнуться с ранее упомянутой ситуацией, когда имя собственное неверно распознается как нарицательное. Также можно отметить, что несмотря на отсутствие проблем с транслитерацией Ф. И. О. главных героев, студенты обнаружили ошибку в одном из сегментов, содержащих фамилию второстепенного персонажа — некой Никаноровой, у которой Аглая снимает жилье. Никанорова лично не участвует в событиях рассказа, и ее фамилия упоминается в тексте лишь трижды. В последнем из этих трех случаев алгоритм МП проигнорировал типичное окончание родительного падежа женского рода и преобразовал женскую фамилию в мужскую: таким образом, исходному сегменту «На двери не было больше имени Никаноровой» соответствует транслит *Nikanorov's name was no longer on the door*.

Помимо обозначенных единичных и сразу бросающихся в глаза недочетов МП, в ходе дальнейшей совместной работы с текстом и дискуссий между студентами и преподавателем были выявлены и определенные повторяющиеся, системные ошибки, которые можно объединить в три основные группы.

Пунктуационные ошибки

К первой группе студенты и преподаватель отнесли пунктуационные ошибки. Их общее число достигло 55, и их можно было встретить практически в каждом сегменте транслита, где присутствовали диалоговые реплики. Столь высокая частотность также вызвана локальным характером МП. Поскольку каждое предложение воспринимается алгоритмом как самостоятельный сегмент, открывающая/закрывающая кавычка ставится только в тех местах, где в исходном русскоязычном тексте присутствует тире, указывающее на начало диалога — даже невзирая на то, что каждая реплика может состоять из нескольких предложений. Наглядно такое оформление диалога представлено на рисунке 3.

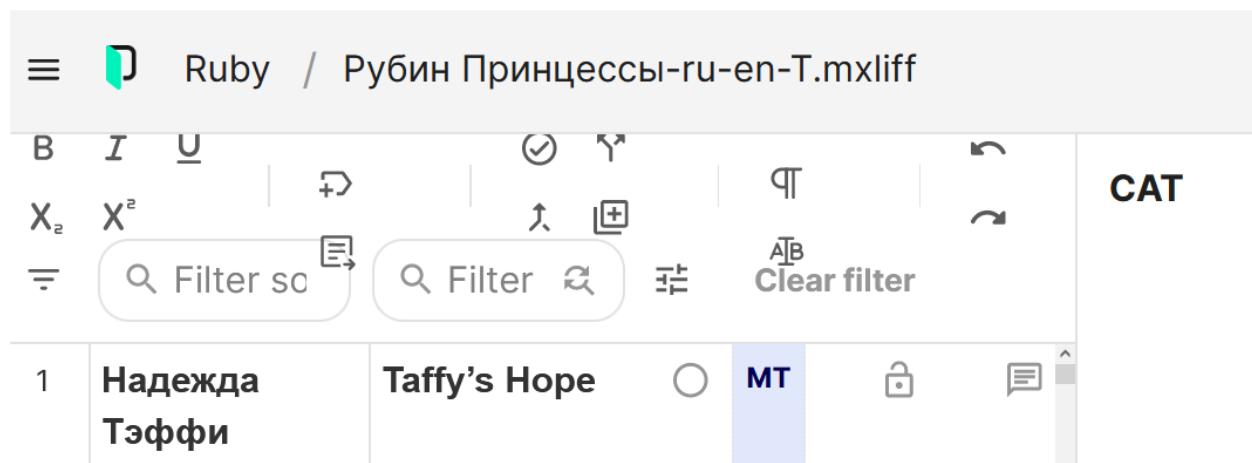

Рис. 2. Первый сегмент художественного текста в интерфейсе Phrase

Fig. 2. The first segment of the literary text in the Phrase interface

30	— Вы не помните меня, Принцесса?	"Don't you remember me, Princess?"	○	MT
31	Я Руданов.	I'm <u>Rudanov</u> .	○	MT
32	Мы раз с вами целый вечер болтали.	We once chatted all evening.	○	MT

Рис. 3. Оформление диалога в интерфейсе Phrase

Fig. 3. Dialogue rendition in the Phrase interface

Отметим, что платформа Phrase оснащена функцией контроля качества (QA Check), помогающей обнаружить в тексте орфографические и пунктуационные ошибки, лишние пробелы и прочее. Однако QA Check не реагирует на пунктуацию, подобную указанной на рисунке 3, т. е. с формальной точки зрения, правила оформления диалога соблюдены: в сегменте № 30 присутствуют кавычки. Таким образом, исправления необходимо вносить вручную, что помогает прорабатывать навык самоконтроля.

Лексико-семантические ошибки

Не менее объемную группу (67 случаев) составили ошибки лексико-семантического характера, которые, в свою очередь, можно подразделить на несколько подгрупп. В частности, при поиске соответствий в языке перевода алгоритм МП склонен игнорировать критически важные семы исходных единиц. Всего в трансляте удалось насчитать 39 таких ошибок.

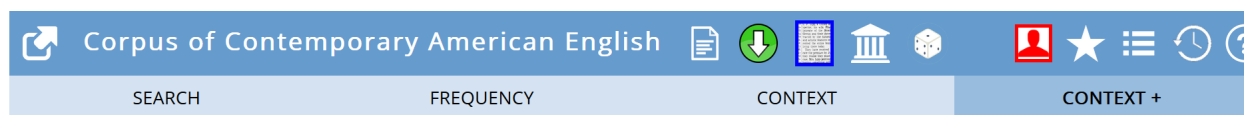
Так, персонаж Аглаи вводится в повествование как «маленькая худенькая девочка, старательно подчищавшая **резинкой** переписанную рукопись». Ее описание изначально было переведено как *a small thin girl who was diligently cleaning the copied manuscript with an **elastic band***. В данном случае исходная единица «резинка» реализует словарное значение «небольшой кусок особой резины, предназначенный для стирания, написанного на бумаге», однако алгоритм МП подобрал иноязычное соответствие для данной единицы в словарном значении «резиновая нитка, тесемка или кольцо, растягивающиеся при натяжении» (Кузнецов 1998). В процессе РЕМТ студентами были предложены варианты перевода *rubber* или *eraser*. К аналогичным ошибкам можно отнести и МП исходного сегмента «вы **сочиняете**» (в значении «выдумываете») как *you are **composing*** (исправлен студентом на *you are **making it up***; также приемлемым является перевод *you are **fibbing***) или МП «[в рукописи] ровно тридцать листов» как *exactly thirty **leaves*** (у студента — *exactly thirty **sheets***).

Не всегда успешно передается средствами МП и характерная для художественного функционального стиля лексика с эмоционально-оценочными коннотациями. Примером здесь может послужить словосочетание «узенькая **кроватька**» из описания комнаты Аглаи. Ему соответствует транслят *a narrow **crib***, очевидно некорректный по ряду причин.

Обращаясь к классификации разновидностей информации в тексте, предложенной И. Р. Гальпериным (Гальперин 2007), приходим к следующему заключению: лексическая единица «кроватька» содержит в себе не только явную,

содержательно-фактуальную информацию, или СФИ (указание на небольшой размер кровати), но и скрытую, содержательно-подтекстовую информацию (СПИ), которую можно извлечь из окружающего контекста. Аглая живет весьма бедно, и Руданов рассматривает аскетичный интерьер ее комнаты со смешанными ощущениями жалости и омерзения — именно такие эмоционально-оценочные коннотации заложены в единицу «кроватька». Очевидно, что алгоритм «обнаружил» лишь СФИ, следствием чего стала «галлюцинация»: в трансляте появилась не просто кровать небольшого размера, а кровать для маленького ребенка (*crib*), какие-либо отсылки к которой отсутствуют в исходном повествовании. Вариант перевода *tiny narrow bed*, предложенный студентами, можно счесть приемлемым, однако как альтернативу можно было бы использовать перевод наподобие *meager narrow bed*, поскольку прилагательное *meager* несет в себе отрицательную оценку.

Встречаются и сегменты, где в трансляте была подобрана лексика с определенным эмоционально-оценочным компонентом, однако характер оценки не соответствует оригиналу. Сравним, например, следующее высказывание из оригинального текста: «Руданов **грустно усмехнулся** и провел рукой по своим густым седеющим волосам» с МП: *Rudanov **grinned sadly** and ran his hand through his thick graying hair*. Толковый словарь Merriam-Webster определяет глагол *to grin* как *to draw back the lips so as to show the teeth, especially in amusement or laughter* ('широко, **весело** улыбаться, показывая зубы') (Merriam-Webster Dictionary 2024). Иными словами, в семантику глагола заложены ассоциации с хорошим настроением, что никак не соответствует смыслу исходного высказывания; словосочетание *grinned sadly* можно счесть оксюмороном. В процессе РЕМТ было предложено заменить *grinned* на *chuckled*; в том же словаре Merriam-Webster находим: *to chuckle is to laugh inwardly or quietly* ('смеяться негромко, про себя') (Merriam-Webster Dictionary 2024). Наличие семы *quietly* ('тихо, негромко'), несомненно, способствует достижению большей переводческой адекватности. Допустимым вариантом перевода может стать и *smiled wryly* — словосочетание, использующееся в англоязычной художественной литературе в схожих контекстах, о чем, например, свидетельствуют результаты поиска по корпусу СОСА (Corpus of Contemporary American English 2024). На рисунке 4 можно увидеть один из 138 примеров, представленных в СОСА: сцену из художественного произведения, где герой с горечью и сожалением напоминает героине, как давно они не ужинали вместе.

Source information:

Source	FIC: Analog Science Fiction & Fact
Date	2016
Publication information	; New York Vol. 136, Iss. 11, (Nov 2017): 69-76.
Title	The Desolate Void
Author	Werkheiser, Jay

Expanded context

? " # " Hmm? " She distractedly dropped her frilly napkin onto the remnants of lobster shell on her plate. # " We need to talk. " # The quiet din of nearby mealtime conversations faded into the background. Those words. " What is it? Your funding didn't get approved? " # Tomas sighed sadly. " No, that's not it. " # " What then? Your research isn't- " # " It's not about my God damned research. " His voice raised as the sentence went on. He ducked his head and said softly, " It's about us. " # Her heart thumped. " Us? " Then it hit her. " We haven't gone out like this in a long time. " # " I did try. " He smiled **wryly**. " But you never made time. " # " My work is important. " # " More important than us. " It wasn't a question. . .

Рис. 4. Фрагмент художественного текста из поисковой выдачи в корпусе COCA по запросу *smil* wryly*

Fig. 4. Fragment of a work of literary fiction from the COCA search results returned for the *smil* wryly* query

Говоря о неверной передаче семантики при МП, нельзя не обратить внимание и на ошибки, возникшие в ходе «обработки» ФЕ и иных единиц с несвободной сочетаемостью компонентов. В рамках проекта студенты обнаружили 14 таких ошибок. Пожалуй, наиболее примечательным примером, вызвавшим у студентов эмоциональный отклик ввиду откровенно комичного несоответствия оригинала и перевода, стала сцена, где Даша, служанка квартирной хозяйки, возмущенно реагирует на обвинения в краже со стороны Руданова и Аглаи: «Она [Аглая] сама неряха, а **на людей грех наводит!**». Как и следовало ожидать, в процессе МП исходное выражение было калькировано, что, учитывая несвободную сочетаемость его компонентов, привело к явному искажению смысла: *She is a slob herself, but she brings sin on people*. Чтобы восстановить исходный смысл и повысить качество транслата, студент, ответственный за работу с соответствующим фрагментом текста, остановился на более адекватном описательном переводе: *She herself is a slob, but accuses others of it*.

Кроме единиц с устойчивым компонентным составом, МП не поддались и речевые ошибки, характеризующие речь персонажей низкого сословия, таких как вышеупомянутая служанка Даша и подмастерье портного. В частности, Даша произносит слово «брильянты» как «бральянты» («Никаких я **бральянтов** не брала», «Где у меня тут бральянты лежат?»), а подмастерье использует широко известный диалектизм «пинжак» («Хозяин нашел [это] в вашем **пинжаке**»). В транслате реплики персонажей

превращаются в *I didn't take any **bralance**, Where do I have **bralance** here?* и *The owner found it in your **pinjac*** соответственно. Стремление сохранить исходную орфографию путем транслитерации в данном случае не имеет смысла, поскольку подобный перевод не только приводит в замешательство англоязычного читателя, но и игнорирует прагматический аспект — создание яркого портрета персонажа через идиолект. Студенты, осуществлявшие РЕМТ, заменили транслитерированные новообразования на общелитературные лексические единицы: *I didn't take any **diamonds**, Where do I have **diamonds** here?, My master found it in your **jacket***. Это облегчает понимание текста, однако для восстановления художественной образности предпочтительно было бы прибегнуть к переводческой компенсации и ввести в текст диалектизмы, характерные для английского языка, причем не обязательно на лексическом уровне (*I didn't take no diamonds, Where would I have them diamonds?, My master's done found it in your jacket*).

Лексико-семантические ошибки, вызванные неверным соотношением местоимения и антецедента, также были выделены в отдельную подгруппу из 11 примеров. В основном алгоритм «сбивался» при попытке определить, является ли антецедент одушевленным (т. е. требующим местоимение *he* или *she*) или неодушевленным (требующим местоимение *it*). Например, Аглая говорит о своем фамильном сокровище — заглавном «рубине Принцессы»: «**Он** остался от моей матери». При МП связь с антецедентом «рубин» установлена не была, в результате чего

получаем: *He was left by my mother*. При работе над данным сегментом студент успешно отредактировал транслят, не только использовав верное местоимение, но и преобразовав грамматическую структуру для легкости чтения: *I got it from my mother*.

Грамматические ошибки

Наконец, кроме пунктуационных ошибок и нескольких подтипов лексико-семантических ошибок, в процессе МП были допущены и грамматические ошибки. Их удалось обнаружить в 13 случаях, и они, как правило, заключаются в неверном выборе видо-временной формы глагола.

Повествование в рассказе ведется в прошедшем времени, однако в тех сегментах, где в авторской речи в оригинале опущено сказуемое, образовавшуюся лауну в англоязычном тексте заполняет глагол в Present Simple, что нарушает согласование видо-временных форм в сверхфразовом единстве и выбивается из общей нарративной канвы. Например, вернемся к описанию скудной обстановки в комнате Аглаи: «Руданов **оглядел** комнатку Принцессы. <...> На подоконнике чернильница. <...> В углу <...> — платяя ...». В трансляте односоставные предложения преобразованы в двусоставные с использованием конструкции *there is*: *Rudanov looked around the Princess's room*. <...> *On the windowsill there is an inkwell*. <...> *In the corner <...> there are dresses*. После того, как студент осуществил РЕМТ, транслят приобрел следующий вид: *Rudanov looked around the Princess's little room*. <...> *On the windowsill there was an inkwell*. <...> *In the corner <...> hung dresses*. Видо-временные формы согласованы, во втором предложении конструкция *there is* заменена на глагол *to hang* ('висеть') в видо-временной форме Past Simple, что оправдано, поскольку в исходном тексте также упоминаются «вбитые в стену гвозди».

Машинный алгоритм неверно интерпретирует и односоставные предложения в диалогах. Так, встретив Руданова на работе и приглашая его в гости, Аглая говорит: «**Я дома** с девяти часов». В МП используется видо-временная форма Present Perfect (*I've been home since nine o'clock*), указывающая на то, что героиня уже вернулась с работы в девять и до сих пор находится дома. Однако это не согласуется с исходным контекстом: героиня сообщает о своей каждодневной рутине, что требует видо-временной формы Present Simple, корректно использованной студентом в ходе РЕМТ: *I come home at nine o'clock*.

Допустимые варианты МП

В заключение заметим, что несмотря на многочисленные ошибки, освещенные и классифицированные выше, некоторые фрагменты художественного текста были переведены вполне приемлемо. Это прежде всего касается самых «элементарных» высказываний, которые имеют синтаксическую структуру простых двусоставных предложений с минимальным числом второстепенных членов, содержат в основном СФИ и могут быть с легкостью интерпретированы даже в отрыве от более широкого контекста. Например: «Принцесса уже не плакала» — *The Princess was no longer crying*; «Она молча покачала головой» — *She shook her head silently* и т. п. Перевод таких высказываний может быть интегрирован в конечную версию целевого текста без изменений. Понимание, в каких случаях транслят не требует излишнего вмешательства, даже при полном постредактировании, также входит в число ценных навыков, необходимых специалисту по РЕМТ.

Будущие перспективы

В дальнейшем представляется продуктивным предложить студентам для постредактирования другие художественные произведения, включая как и рассказы Надежды Тэффи, где — в противоположность лирическому тону «Рубина принцессы» — в большей степени проявляется ее идиостиль как писательницы-сатирика, так и работы других авторов, где демонстрируются уникальные художественные приемы, плохо поддающиеся МП. В результате может быть собран обширный наглядный материал — фрагменты исходного текста, их МП, комментарии и исправления, внесенные студентами и преподавателем — систематизация которого способна лечь в основу будущего практического пособия по РЕМТ.

Список сокращений

- ФЕ — фразеологические единицы
- МП — машинный перевод
- ПО — программное обеспечение
- СПИ — содержательно-подтекстовая информация
- СФИ — содержательно-фактуальная информация
- ТЗ — техническое задание

List of Abbreviations

COCA — Corpus of Contemporary American English
 EBMT — Example Based Machine Translation
 MT — machine translation
 PЕMT — post-editing/post-edited machine translation
 RBMT — Rule Based Machine Translation

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность студентам, обучающимся по специальности «Перевод и переводоведение», в частности, старостам групп: Старостиной Юлиане Олеговне, Шабакоевой Анастасии Тимуровне, Непочатых Софье Владимировне.

Acknowledgments

The author is happy to acknowledge the contribution of Translation and Translation Studies students, particularly group representatives: Yuliana Starostina, Anastasia Shabakayeva, and Sofya Nepochatykh.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

Тэффи, Н. А. (1998) *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Неживой зверь*. М.: Лаком, 382 с.
Phrase TMS: The leading translation management system. (2024) [Online]. Available at: <https://phrase.com/platform/tms/> (accessed 29.06.2024).

Словари

Кузнецов, С. А. (ред.). (1998) *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1534 с.
Corpus of Contemporary American English. (2024) [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 29.06.2024).
Merriam-Webster Dictionary. (2024) [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 26.06.2024).

Литература

Беляева, Л. Н. (2019) Машинный перевод в работе переводчика: практический аспект. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*, № 2, с. 8–20. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2019.2.1>
 Гальперин, И. Р. (2007) *Текст как объект лингвистического исследования*. 5-е изд. М.: КомКнига, 144 с.
 Жданова, Т. А., Ефремова, Г. А. (2017) Автоматизация перевода: прошлое и настоящее. *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*, № 1 (87), с. 46–50.
 Иванько, А. Ф., Иванько, М. А., Колесникова, О. Д. (2019) Информационные нейронные сети. *Научное обозрение. Технические науки*, № 4, с. 11–16. <https://doi.org/10.17513/srts.1250>
 История машинного перевода: от гипотез Лейбница и Декарта — до мобильных приложений и облачных сервисов. (2019) *PROMT*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.promt.ru/press/blog/istoriya-mashinnogo-perevoda-ot-gipotez-leybnitsa-i-dekarta-do-mobilnykh-prilozheniy-i-oblachnykh-se/> (дата обращения 20.06.2024).
 Камшилова, О. Н., Беляева, Л. Н. (2023) Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы. *Terra Linguistica*, т. 14, № 1, с. 41–56. <https://doi.org/10.18721/JHSS.14105>
 Маматкасимова, В. А. (2022) Общие принципы машинного перевода. *Вестник науки и образования*, № 6-2 (126), с. 23–25.
 Морозова, Т. В. (2020) Жанр рекламы в функционально-стилистическом освещении. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, № 4 (29), с. 1–4. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.4\(29\).12](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.4(29).12)
 Степаненко, А., Каменщиков, С., Суетин, Н. (2020) Искусственный интеллект в современном искусстве. *Инновационный центр «Сколково»*. [Электронный ресурс]. URL: <https://sk.ru/news/iskusstvennyy-intellekt-v-sovremennom-iskusstve/> (дата обращения 22.06.2024).
 Ушакова, А. О. (2022) Постредактирование машинного перевода технического текста. *Евразийский гуманитарный журнал*, № 3, с. 69–76.

- Чакырова, Ю. И. (2013) Постредактирование в транслатологической парадигме. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*, № 8, с. 137–144.
- Шукаева, Ж. Ж., Шидловская, И. А. (2022) Особенности машинного перевода немецких фразеологизмов на русский язык. В кн.: *Филологические чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного университета, с. 246–251. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48654711_61289346.pdf (дата обращения 22.06.2024).
- Ясаревская, О. Н. (2017) Модели статистического машинного перевода. *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*, № 5-6 (39-40), с. 171–176.
- Hutchins, W. J. (1999) Warren Weaver memorandum, July 1949. *MT News International*, no. 22, pp. 5–6.
- Rule-based machine translation. (2024) *Machine translate*. [Online]. Available at: <https://machinetranslate.org/rule-based-machine-translation> (accessed 21.06.2024).
- What are AI hallucinations? (2024) *IBM*. [Online]. Available at: <https://www.ibm.com/topics/ai-hallucinations> (accessed 22.06.2024).

Sources

- Phrase TMS: The leading translation management system*. [Online]. Available at: <https://phrase.com/platform/tms/> (accessed 29.06.2024). (In English)
- Teffi, N. A. (1998) *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 2. Nezhivoj zver' [Complete works: In 5 vols. Vol. 2. Unliving beast]*. Moscow: Lakom Publ., 382 p. (In Russian)

Dictionaries

- Corpus of Contemporary American English*. (2024) [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 29.06.2024). (In English)
- Kuznetsov, S. A. (ed.). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]*. Saint Petersburg: Norint Publ., 1534 p. (In Russian)
- Merriam-Webster Dictionary*. (2024) [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 26.06.2024). (In English)

References

- Belyaeva, L. N. (2019) Mashinnyj perevod v rabote perevodchika: prakticheskij aspekt [Machine translation in a translator workflow: Practical view]. *Vestnik PNIPI. Problemy yazykoznanija i pedagogiki — PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, no. 2, pp. 8–20. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2019.2.1> (In Russian)
- Chakyrova, Yu. I. (2013) Postredaktirovanie v translatoologicheskoj paradihme [Post-editing in the translation studies paradigm]. *Vestnik PNIPI. Problemy yazykoznanija i pedagogiki — PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, no. 8, pp. 137–144. (In Russian)
- Galperin, I. R. (2007) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic study]*. 5th ed. Moscow: KomKniga Publ., 144 p. (In Russian)
- Hutchins, W. J. (1999) Warren Weaver memorandum, July 1949. *MT News International*, no. 22, pp. 5–6. (In English)
- Istoriya mashinnogo perevoda: ot gipotez Lejbnitsa i Dekarta — do mobil'nykh prilozhenij i oblachnykh servisov [History of machine translation: From hypotheses by Leibniz and Descartes to mobile applications and cloud services]. (2019) *PROMT*. [Online]. Available at: <https://www.promt.ru/press/blog/istoriya-mashinnogo-perevoda-ot-gipotez-leybnitsa-i-dekarta-do-mobilnykh-prilozhenij-i-oblachnykh-se/> (accessed 20.06.2024). (In Russian)
- Ivanko, A. F., Ivanko, M. A., Kolesnikova, O. D. (2019) Informatsionnye nejronnye seti [Information neural networks]. *Nauchnoe obozrenie. Tekhnicheskie nauki — Scientific Review. Technical Sciences*, no. 4, pp. 11–16. <https://doi.org/10.17513/srts.1250> (In Russian)
- Kamshilova, O. N., Belyaeva, L. N. (2023) Mashinnyj perevod v epokhu tsifrovizatsii: novye praktiki, protsedury i resursy [Machine translation in the age of digitalization: New practices, procedures and resources]. *Terra Linguistica*, vol. 14, no. 1, pp. 41–56. <https://doi.org/10.18721/JHSS.14105> (In Russian)
- Mamatkasimova, V. A. (2022) Obshchie printsipy mashinnogo perevoda [General principles of machine translation]. *Vestnik nauki i obrazovaniya — Bulletin of Science and Education*, no. 6-2 (126), pp. 23–25. (In Russian)
- Morozova, T. V. (2020) Zhanr reklamy v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii [The genre of advertising in the functionally-stylistic lighting]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta — Memoirs of NovSU*, no. 4 (29), pp. 1–4. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.4\(29\).12](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.4(29).12) (In Russian)
- Rule-based machine translation. (2024) *Machine translate*. [Online]. Available at: <https://machinetranslate.org/rule-based-machine-translation> (accessed 21.06.2024). (In English)

- Shukaeva, Zh. Zh., Shidlovskaya, I. A. (2022) Osobennosti mashinnogo perevoda nemetskikh frazeologizmov na russkij yazyk [Specifics of machine translation of German idioms into Russian]. In: *Filologicheskie chteniya. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Philological readings. Proceedings of All-Russian scientific conference with international participation]*. Orenburg: Orenburg State University Publ., pp. 246–251. [Online]. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48654711_61289346.pdf (accessed 22.06.2024). (In Russian)
- Stepanenko, A., Kamen'shchikov, S., Suetin, N. (2020) Iskusstvennyj intellekt v sovremennom iskusstve [Artificial intelligence in modern art]. *Innovatsionnyj tsentr Skolkovo*. [Online]. Available at: <https://sk.ru/news/iskusstvennyj-intellekt-v-sovremennom-iskusstve/> (accessed 22.06.2024). (In Russian)
- Ushakova, A. O. (2022) Postredaktirovanie mashinnogo perevoda tekhnicheskogo teksta [Technical text machine translation post-editing]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal — Eurasian Humanitarian Journal*, no. 3, pp. 69–76. (In Russian)
- What are AI hallucinations? (2024) IBM. [Online]. Available at: <https://www.ibm.com/topics/ai-hallucinations> (accessed 22.06.2024). (In English)
- Yasarevskaya, O. N. (2017) Modeli statisticheskogo mashinnogo perevoda [Revisiting statistical machine translation models]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus — XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus*, no. 5-6 (39-40), pp. 171–176. (In Russian)
- Zhdanova, T. A., Efremova, G. A. (2017) Avtomatizatsiya perevoda: proshloe i nastoyashchee [Translation automation: Past and present]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava — Bulletin of Khabarovsk State University of Economics and Law*, no. 1 (87), pp. 46–50. (In Russian)

Check for updates

Обзоры. Рецензии. Персоналии

УДК 81

EDN IOXTSS

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-184-191>

Реализация этнокультурного компонента при обучении английскому языку учащихся, находящихся на уровне среднего общего образования

Ю. М. Прокушева ¹

¹ МАОУ СОШ № 24 им. Каллистрата Жакова, 167002, Россия, г. Сыктывкар, ул. Морозова, д. 175

Сведения об авторе

Юлия Маратовна Прокушева,
e-mail: yuliashka444@mail.ru

Для цитирования:

Прокушева, Ю. М. (2024)
Реализация этнокультурного компонента при обучении английскому языку учащихся, находящихся на уровне среднего общего образования. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 3, с. 184–191.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-184-191>
EDN IOXTSS

Получена 26 мая 2024; принята 9 сентября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. М. Прокушева (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Введение этнокультурных элементов в преподавание английского языка на уровне средней школы представляет собой важную и актуальную задачу современной педагогики. Это позволяет учащимся не только улучшить свои языковые навыки, но и глубже понять и ценить культурное наследие своего народа.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что школьники часто испытывают трудности при попытке описать особенности своего родного края на английском языке. Это может быть связано как с недостаточным словарным запасом, так и с отсутствием соответствующего культурно-исторического знания в учебных материалах. Таким образом, включение этнокультурных элементов в программы по английскому языку помогает устранить эти пробелы и способствует более эффективному межкультурному общению.

Целью данной статьи является анализ различных способов интеграции этнокультурного компонента в учебный процесс и обобщение педагогического личного опыта.

Одним из наиболее эффективных методов интеграции этнокультурного компонента в обучение является проектная деятельность, которая позволяет учащимся самостоятельно исследовать культурные аспекты и представлять свои работы в виде проектов на английском языке, связанных с народными традициями, праздниками, ремеслами и фольклором родного края. Кроме того, важную роль в этнокультурном воспитании играют внеклассные мероприятия, такие как тематические выставки в школьных музеях, творческие конкурсы и фестивали. Подобные мероприятия создают условия для живого и увлекательного общения на английском языке, а также способствуют вовлечению родителей и местного сообщества в образовательный процесс.

Для успешной реализации этнокультурного компонента в преподавании английского языка необходима разработка соответствующих учебно-тематических планов. В этом контексте могут быть полезны предложенные Ю. А. Комаровой, И. В. Ларионовой и Ж. Перрет различные подходы к использованию страноведческого материала, который помогает учащимся осознать глобальное и локальное культурное наследие, а также обеспечивает более глубокое и осмысленное изучение иностранного языка.

Ключевые слова: этнокультурный компонент, этнокультурное воспитание, проектная деятельность, обучение английскому языку, краеведческий материал, средняя школа

Implementation of the ethnocultural component in teaching English to students at the level of secondary general education

Yu. M. Prokusheva ✉¹

¹ Secondary School no. 24 named after Kallistrata Zhakova, 175 Morozova Str., Syktyvkar 167002, Russia

Author

Yulia M. Prokusheva,
e-mail: yuliashka444@mail.ru

For citation: Prokusheva, Yu. M. (2024) Implementation of the ethnocultural component in teaching English to students at the level of secondary general education. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 3, pp. 184–191. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-3-184-191> EDN IOXTSS

Received 26 May 2024; accepted 9 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. M. Prokusheva (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The introduction of ethnocultural elements into the teaching of English at the secondary school level is an important and relevant task of modern pedagogy. This allows students not only to improve their language skills, but also to better understand and appreciate the cultural heritage of their people.

The relevance of the problem is due to the fact that schoolchildren often have difficulties trying to describe the features of their native land in English, which may be due to both insufficient vocabulary and the lack of appropriate cultural and historical knowledge in educational materials. Thus, the inclusion of ethnocultural elements in English language programs helps to eliminate these gaps and promotes more effective intercultural communication.

The purpose of this article is to analyze various ways of integrating the ethnocultural component into the educational process and generalize personal experience.

One of the most effective methods of integrating the ethnocultural component into learning is project activity, which allows students to independently explore cultural aspects and present their work in the form of projects in English on topics such as folk traditions, holidays, crafts and folklore of their native land. In addition, extracurricular activities such as thematic exhibitions in school museums, creative contests and festivals play an important role in ethnocultural education. Such events create conditions for lively and exciting communication in English, and also contribute to the involvement of parents and the local community in the educational process.

For the successful implementation of the ethnocultural component in teaching English, it is necessary to develop appropriate educational and thematic plans. In this context, the suggestions, which are proposed by Yu. Komarova, I. Larionova and J. Perret different approaches the use of regional studies materials that help students understand the global and local cultural heritage, as well as provides a deeper and meaningful study of a foreign language.

Keywords: ethnocultural component, ethnocultural education, project activities, English language teaching, local history material, secondary school

Процесс становления личности и формирование мировоззрения у учащегося происходят за счет расширения его кругозора и представления о родной культуре, традициях и обычаях, образе жизни, об истории и повседневной жизни своего народа. Через развитие критического мышления этнокультурный компонент способствует формированию нравственной позиции учащихся как граждан России и мирового сообщества, а также готовности к взаимодействию и обмену опытом с другими народами. Мы полностью разделяем точку зрения, что включение этнокультурных элементов в обучение иностранному языку не только способствует формированию уважительного отношения к различным культурам, их быту, но и обеспечивает изучение традиций и культуры своей страны (Миньяр-Белоручев 1990).

В своей педагогической деятельности мы используем разнообразные формы внедрения этнокультурного компонента в обучение английскому языку в средней школе: проектную деятельность на базе школьного музея, включение краеведческой лексики на английском языке, творческую домашнюю работу и другие.

Внедрение этнокультурного компонента в школе через проектную деятельность на уроках иностранного языка способствует глубокому погружению учеников в культуру и историю своей малой родины, а также позволяет расширить их знания и навыки в использовании иностранного языка.

В школе № 24 им. Каллистрата Жакова (Сыктывкар) внедрение этнокультурного компонента осуществляется в форме проектной работы на уроках английского языка, в ходе которой

школьники самостоятельно предлагают и продумывают свои варианты маршрутов экскурсий или мини-экскурсий, а также создают постеры, плакаты и рекламные буклеты о наиболее привлекательных местах Республики Коми и памятных местах Сыктывкара. Подобная работа дополняет часто практикуемые виртуальные экскурсии по столице страны изучаемого языка. Случается, что учащиеся часто затрудняются назвать достопримечательности своей страны, хотя могут назвать достопримечательности Лондона. Таким образом, проектная деятельность становится одним из важных культурных механизмов, который способствует развитию у учащихся креативного мышления, самостоятельности и инициативности, повышает качество образовательного процесса.

Проектная деятельность учащихся начальных классов (начиная со второго класса) сосредоточена на темах, связанных с их родным городом и регионом. Учащиеся проявляют большую фантазию и воображение, ведут себя как маленькие исследователи: создают и презентуют мини-проекты, что позволяет им развивать творческие способности и исследовательскую активность.

Например, при разработке проекта «Мой город» учащиеся используют знания, полученные на уроках окружающего мира, краеведения, во время работы в библиотеке, и знания, полученные в Интернете. Учащимся интересно узнавать об истории своей Родины, о своем народе, его культуре и традициях и обычаях. Все это помогает расширять детский кругозор, формировать патриотизм и общий дух культурного развития.

У старшекласников проектная работа носит независимый характер. Учащимся предлагается самостоятельно искать, разрабатывать материалы по определенной теме и представлять результаты своих исследований в разнообразных форматах, в виде плакатов, эссе, мультимедийных презентаций, учебных материалов по туризму и т. д. Как показывает практика, такая деятельность развивает их аналитические навыки, способствует самостоятельности и критическому мышлению. Кроме того, самостоятельная работа над проектами стимулирует старшекласников к более глубокому изучению как родной, так и изучаемой культуры, что, в свою очередь, укрепляет их лингвистические способности. Участие в данных проектах обогащает их знания и позволяет им применить свои языковые навыки в различных практических ситуациях.

Итак, из сказанного следует, что проектная деятельность на уроках английского языка

в школе способствует развитию учащихся, углублению их познаний о родной культуре и истории, а также повышению уровня владения английским языком через практическое применение и творчество.

Музей школы, названный в честь знаменитого коми писателя Каллистрата Жакова, оказывает большую поддержку в реализации этнокультурного компонента, предоставляя учащимся возможность выступить в качестве школьного музейного экскурсовода не только на родном, но и на иностранном языке.

На наш взгляд, музейные уроки — это отличный способ изучения английского языка через погружение в реальную практику. В качестве примера приведем разработанные и организованные нами музейные уроки для учащихся третьих и шестых классов. В рамках темы «Clothes» в третьем классе мы знакомимся с одеждой коми народа; в шестом классе мы изучаем биографии знаменитых коми писателей. При этом нами используются следующие формы работы:

- организация экскурсий для учащихся и их родителей, а также гостей школы по темам «Famous People», «Visiting Museums», «School Museum»;
- разработка музейных уроков на английском языке с помощью рабочих листов по темам «Museums and Exhibitions», «Moving Out», «House Museums in Russia», «Museums and Galleries»;
- составление монологических высказываний, описание картины на английском языке по темам «Famous Artists», «My favourite Picture», «Art»;
- проектная деятельность (на основе самостоятельного выбора учащимися тем), в рамках которой учащиеся приобретают навыки использования компьютерных технологий для создания англоязычной брошюры, посвященной школьному музею;
- поисково-исследовательская деятельность, в ходе которой учащиеся приобретают навыки самостоятельного получения знаний: учащиеся учатся искать, анализировать и обрабатывать информацию о типах, видах музеев и экспонатов, представленных в Республике Коми; представлять результаты своих исследований в виде презентаций. В качестве примера можно привести уроки, посвященные кулинарным традициям, культуре и праздникам коми народа. Изучая экспонаты школьного музея, рассказывающие о быте народа Коми, его утвари и национальной одежде,

- учащиеся расширяют свой кругозор и систематизируют полученные знания;
- партнерское сотрудничество школы с местными музеями и культурными центрами для проведения совместных мероприятий;
  - использование социальных сетей, например, аккаунта школьного музея в социальных сетях, где школьники публикуют свои работы, фотографии с экскурсий, мини-репортажи на английском языке. В современном мире это мотивирует учащихся, развивает их и позволяет им поделиться своими достижениями с широкой аудиторией;
  - наставничество: подготовка и проведение мероприятий на английском языке в рамках проекта «Старшие — Младшим» способствует созданию атмосферы взаимопомощи и поощряет активное участие учащихся.

Таким образом, в нашей педагогической деятельности музеи играют важную роль в сохранении и передаче культурного наследия, расширении знания школьников, развитии уважения к знаменитым людям Республики Коми, а также развитию языковых компетенций у учащихся. Это реализуется через различные формы взаимодействия: от общения с ветеранами до изучения экспозиций и экспонатов музея, ознакомления с книгами и фильмами по истории страны и региона. Использование современных технологий, таких как аудиогиды на английском языке, интерактивные презентации с информацией об экспонатах и виртуальные экскурсии делают посещение музея еще более увлекательным и познавательным.

Безусловно, интеграция этнокультурного компонента в учебную программу по английскому языку на уровне среднего общего образования способствует развитию у учащихся как языковых, так и познавательных навыков (Корниенко 2004). Например, включение тем, связанных с природными ресурсами, народами Республики Коми, а также ее животным и растительным миром. При прохождении тем «Родная страна», «Природа и проблемы экологии» учащимся предлагается выполнить следующие задания:

Make a booklet about the natural resources of Komi Republic and make a public speech before the class [Разработайте буклет о природных ресурсах Республики Коми и сделайте доклад перед классом].

Make a report about native people and their culture to your classmates. Illustrate your story with pictures and photos [Подготовьте доклад о коренных народах и их культуре своим одноклассникам и про-

иллюстрируйте свой рассказ рисунками, фотографиями].

Выполнение заданий, таких как разработка буклетов и подготовка к публичным выступлениям, способствует развитию у учащихся самостоятельности, приобретению навыков работы с текстовой информацией, с визуальными материалами, совершенствует умение выступать публично на иностранном языке.

Использование в учебном процессе УМК «Английский язык» (Комарова и др. 2015), особенностью которого является выделение в каждом модуле отдельного урока для изучения различных национальных культур и традиций, позволяет нам постепенно вводить в обучение элементы этнокультурного компонента с младших классов.

Например, во втором классе при изучении темы «Мои животные» вводятся дополнительные лексические единицы — названия животных, обитающих в Республике Коми. В рамках лексического блока по теме «Погода» к информации о климате города-курорта Корнуолл в Великобритании учащимся предоставляется информация о селе Серёгово, что может служить для учащихся хорошим материалом для анализа и понимания климатических различий разных регионов мира. Это делает обучение более интересным и актуальным для учащихся, способствует формированию у них любви к родному краю, уважения к его природе и истории.

В третьем классе в рамках реализации этнокультурного компонента предусмотрены темы «Животные», «Дома и здания», «Транспорт». В данном блоке учащиеся изучают описание фауны Коми (например, лосей, северных оленей, медведей и разнообразных птиц, занесенных в Красную книгу), описание домов Англии и Республики Коми, особенности транспорта в разных регионах мира.

В старших классах (4–10 классы) этнокультурные и краеведческие компоненты могут быть расширены за счет обсуждения следующих тем:

- история и краеведение: исторические значимые события региона, культурное наследие и важные исторические личности;
- флора и фауна: углубленное изучение природы региона, заповедников и национальных парков;
- знаменитые люди: рассказы о людях, которые сыграли важную роль в развитии региона;
- экологическая обстановка: изучение экологических проблем и усилий по их решению, а также важность сохранения природы;

— заповедники и национальные парки: экологическое и туристическое значение этих объектов.

По нашему мнению, включение в учебный процесс уникальных характеристик родного края — особенностей климата, населенных пунктов, флоры и фауны, этнокультурных элементов Республики Коми, обогащает знания учащихся, позволяя им лучше понять и ценить место, где они живут.

Внедрение этнокультурных элементов является важным фактором для достижения ключевой практической цели обучения — формирования коммуникативной компетенции на изучаемом языке. Для этого образовательный процесс должен быть организован таким образом, чтобы активно стимулировать самостоятельную творческую активность учащихся в процессе усвоения новых знаний и их эффективного применения на практике. В нашей педагогической деятельности мы уделяем особое внимание развитию творческого потенциала учащихся, поощряя их интерес к исследовательской работе и самореализации. Такой подход к обучению существенно обогащает образовательный процесс и мотивирует учащихся на достижение высоких результатов. Приведем в качестве примера несколько заданий, которые мы используем в процессе обучения:

1. *Do you know any other celebrity names associated with street names in our city? (Write a report about them).* [Знаете ли вы другие имена знаменитостей, связанные с названиями улиц в нашем городе? Напишите о них доклад].

2. *Write a letter to your pen-friend about the environmental centers in Komi Republic. Ask him/ her if he/ she takes part in ecological actions for preserving nature, if there are some national parks, reserves in his/ her region.* [Напишите письмо своему другу по переписке об экологическом центре на территории Республики Коми. Спросите его/ее, принимает ли он/она участие в экологических акциях по сохранению природы, есть ли в его/ее регионе какие-либо национальные парки, заповедники] (Воробьев 2003).

Использование в обучении заданий в форме коммуникативной ситуации является весьма эффективным и увлекательным для учащихся. Включение материалов о традициях народа Коми, достопримечательностях городов Республики Коми и знаменитостях действительно может способствовать глубокому пониманию ими культуры и истории региона.

Для того, чтобы сделать уроки английского языка еще более интересными и полезными,

вслед за Н. Д. Гальсковой и Н. И. Гез (Гальскова, Гез 2004), мы предлагаем также задействовать следующие формы работы:

- **включение интерактивных элементов** (викторин, ролевых игр, интерактивных карт) с целью повышения интереса учащихся и лучшего усвоения материала;
- **использование мультимедийных ресурсов** (видео, аудиозаписей, фотографий, виртуальных туров), чтобы сделать уроки более живыми и наглядными;
- **проектная деятельность**: поощрение учащихся создавать проекты на основе изученного материала. (презентации, стенгазеты, небольшие фильмы или блоги о Республике Коми);
- **взаимодействие участников**: организация групповых проектов или дискуссии, в которых учащиеся смогут обсудить и выразить свои мысли о культурных аспектах Республики Коми. Это поможет развить у них коммуникативные навыки и умение работать в команде;
- **связь с реальными людьми**: приглашение носителей языка или представителей культуры Коми для проведения мастер-классов, лекций и бесед с учащимися;
- **практическое применение**: реальные жизненные ситуации; например, разработка экскурсии по Республике Коми для виртуальных гостей;
- **культурные сравнения**: задания, позволяющие учащимся сравнивать культурные традиции и обычаи разных стран, включая страну изучаемого языка и Республику Коми.

Использование разнообразных форм работы действительно способствует созданию динамичной и мотивирующей учебной среды (Малофеева 2002). Для того, чтобы обогатить уроки этнокультурными аспектами, мы применяем разнообразные инструменты, способствующие активизации речевой и мыслительной активности учащихся, о которых хотелось бы упомянуть в статье. Среди них составление кроссвордов, метод синквейна, а также сингапурские обучающие структуры, такие как: “Quiz-Quiz-Trade”, “Tic-Tac-Toe”, “Take off-Touch down”.

Эти инструменты помогают вовлечь учащихся в процесс обучения и стимулируют их мышление. Для повышения мотивации детей младшего возраста организовано театрализованное представление, основанное на народных сказках, а также подготовлены небольшие диалоги и беседы, касающиеся этических вопросов.

Метод “Mind-mapping” (‘Ментальная карта’) также является эффективным инструментом для организации и визуализации информации. Он позволяет структурировать мысли и активизировать ассоциативное мышление, при этом облегчает процесс запоминания и понимания материала.

Визуальные элементы, такие как цвета, рисунки и символы, делают учебный материал более привлекательным и запоминающимся, помогают удерживать внимание и способствуют лучшему усвоению информации. Данный метод подходит как для индивидуальной работы, так и для групповых обсуждений, когда участники могут совместно создавать и дополнять карту мыслей, что стимулирует обмен идеями и совместное творчество (Лиманова и др. 2021).

Например, на этапе начального общего образования учащимся предлагаются такие темы с этнокультурным компонентом для создания “Mind-mapping”: «Традиционное коми блюдо», «Праздники Республики Коми», «Моя школа» и др.

На этапе среднего общего образования наиболее интересными темами являются «Сыктывкар», «Достопримечательности города Сыктывкара», «Знаменитые города Республики Коми», «Сыктывкар — мой родной город», «Коми традиционные блюда», «Национальная одежда Республики Коми», «Коми праздники и традиции» и многие другие.

Для проведения социологического опроса среди учащихся нашей школы с целью выяснения, какие темы могут быть интересны для дальнейшего изучения этнокультуры Республики Коми, нами были предложены следующие вопросы:

1. Как много вы знаете об истории своего города?
2. Как бы вы оценили свои знания разговорного английского?
3. Можете ли вы рассказать своим иностранным друзьям о своем городе на английском?
4. Хотели бы вы изучать историю своего города на уроках английского?

Эти вопросы помогли собрать информацию о предпочтениях и интересах учащихся, что способствовало более содержательному и увлекательному изучению темы этнокультуры. На основе проведенного опроса, очевидно, что существует высокая мотивация среди учащихся к изучению своей культуры и истории, особенно в контексте международного общения. Это открывает хорошие перспективы для разработки учебного плана, который позволит интегри-

ровать этнокультурные аспекты в изучение английского языка. Проанализировав результаты и исходный уровень знаний школьников о своем регионе, а также их интерес к данной области, мы посчитали необходимым создать учебно-тематический план к рабочим программам по английскому языку по УМК «Английский язык» (Комарова, Ларионова 2019). Этот учебно-тематический план поможет учителям ориентировать учебный материал на использование этнокультурного компонента при изучении отдельных тем на уроках английского языка, а также будет дополнять УМК страноведческим материалом.

Вслед за Е. Н. Елиной (Елина 2014) мы предлагаем рассмотреть несколько предложений по созданию такого учебного плана:

- 1) **тематика уроков:** включить темы, связанные с историей и культурой Республики Коми и города Сыктывкара. Уроки могут охватывать различные аспекты, такие как легенды, традиции, достопримечательности и известные личности региона;
- 2) **проекты и исследования:** привлечь учащихся к поисковым проектам, где они смогут исследовать и представлять информацию своей культуры на английском языке;
- 3) **гостевые лекции:** приглашать представителей культуры, историков или местных художников для проведения бесед и мастер-классов на английском языке. Это позволит учащимся улучшить языковые навыки и ознакомиться с культурными традициями непосредственно от носителей иностранного языка;
- 4) **экскурсии:** организовать экскурсии по городским достопримечательностям, с последующим обсуждением увиденного на английском языке;
- 5) **сотрудничество с другими школами:** установить партнерство с российскими учебными заведениями других регионов для обмена опытом;
- 6) **использование современных технологий:** применить цифровые платформы для создания интерактивных уроков и материалов, где учащиеся могут делиться своими разработками и получать обратную связь.

По мнению И. К. Забродиной, региональный компонент реализуется через организацию внеклассной работы по предмету и воспитательной работы. Это эффективно формирует у учащихся знания о своем регионе и позволяет

поддерживать познавательную активность школьников (Забродина 2011).

Ежегодно в Сыктывкаре проводятся школьные мероприятия по английскому языку. Большую поддержку в их проведении оказывают студенты четвертого и пятого курсов факультета иностранных языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, которые проходят производственную практику по английскому языку. В рамках данных мероприятий студенты рассказывают о нашей богатой и процветающей Республике Коми, проводят увлекательные викторины, творческие конкурсы, образовательные квизы. Для шестиклассников нашей школы был организован и проведен школьный блиц-турнир «Моя Родина — Республика Коми». Учащиеся данного турнира, сформировав команды, продемонстрировали свои знания, отвечая на вопросы и разгадывая кроссворды, посвященные важным событиям нашего региона. Такие мероприятия способствуют углублению знаний учащихся в области истории, культуры и традиций родного Сыктывкара, а также знакомят их с деятелями, внесшими значительный вклад в развитие города и республики.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что использование этнокультурного компонента на уроках повышает эффективность преподавания иностранного языка, а именно:

- формирует положительную мотивацию к изучению иностранного языка;
- показывает доброжелательное и заинтересованное отношение к стране изучаемого языка, к ее культуре и народу;
- улучшает коммуникативные навыки учеников, т. е. навыки устного и письменного общения;
- обеспечивает учет возрастных особенностей и интересов учеников;
- развивает творческие способности в процессе познавательной деятельности.

В заключение хотелось еще раз обратить внимание, что такая форма работы с этнокультурными элементами представляет собой прекрасную возможность для каждого учащегося проявить себя, выразить свою уникальность, стать творческой личностью и развить коммуникативные навыки. Работа с этнокультурными элементами обогащает образовательный процесс и способствует развитию уважения и понимания многообразия культур.

Литература

- Воробьев, Г. А. (2003) Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей). *Иностранные языки в школе*, № 2, с. 30–35.
- Гальскова, Н. Д., Гез, Н. И. (2004) *Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика*. М.: Академия, 336 с.
- Елина, Е. Н. (2014) Формирование социокультурной компетенции у студентов высших учебных заведений. В кн.: И. И. Халеева (ред.). *Лингвауни-98. Третья Международная конференция ЮНЕСКО*. М.: Изд-во МГЛУ, с. 35–38.
- Забродина, И. К. (2011) Социокультурный компонент содержания обучения как одно из средств повышения мотивации изучения иностранных языков. *Вестник науки Сибири*, № 1 (1), с. 630–634.
- Комарова, Ю. А., Ларионова, И. В. (2019) *Учебник «Английский язык» для 5–9 классов общеобразовательных организаций*. М.: Русское слово — учебник, 168 с.
- Комарова, Ю. А., Ларионова, И. В., Перретт, Ж. (2015) *Учебник «Английский язык», 2–4 классы*. М.: Русское слово — учебник, 120 с.
- Корниенко, П. А. (2004) Краеведческие материалы как средство обучения иностранному языку в средней школе. *Иностранные языки в школе*, № 6, с. 28–32.
- Лиманова, Н. И., Русскина, А. А., Рыжов, А. С. (2021) Технология майндмэппинга и ее практическое использование. *Молодой ученый*, № 7 (349), с. 194–196.
- Малофеева, Т. В. (2002) Краеведческий материал на уроках английского языка. *Иностранные языки в школе*, № 3, с. 47–52.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. (1990) *Методика обучения французскому языку*. М.: Просвещение, 224 с.

References

- Elina, E. N. (2014) Formirovanie sotsiokul'turnoj kompetentsii u studentov vysshikh uchebnykh zavedenij. In: I. I. Khaleeva (ed.). *Lingvauni-98. Tret'ya Mezhdunarodnaya konferentsiya YuNESKO [Linguauni-98. The Third International UNESCO Conference]*. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ., pp. 35–38. (In Russian)
- Gal'skova, N. V., Gez, N. I. (2004) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology]*. Moscow: Academia Publ., 336 p. (In Russian)

- Komarova, Yu. A., Larionova, I. V. (2019) *Uchebnik "Anglijskij yazyk" dlya 5–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsij [The textbook "English" for grades 5–9 of general education organizations]*. Moscow: Russkoe slovo — uchebnik Publ., 152 p. (In Russian)
- Komarova, Yu. A., Larionova, I. V., Perrett, J. (2015) *Uchebnik "Anglijskij yazyk", 2–4 klassy [The textbook "English" for grades 2–4]*. Moscow: Russkoe slovo — uchebnik Publ., 120 p. (In Russian)
- Kornienko, P. A. (2004) Kraevedcheskie materialy kak sredstvo obucheniya inostrannomu yazyku v srednej shkole [Local history materials as means of teaching a foreign language in secondary school]. *Inostrannye yazyki v shkole — Foreign Languages at School*, no. 6, pp. 28–32. (In Russian)
- Limanova, N. I., Russkina, A. A., Ryzhov, A. S. (2021) Tekhnologiya majndmeppinga i ee prakticheskoe ispol'zovanie [Mind mapping technology and its practical use]. *Molodoj uchenyj — Young Scientist*, no. 7 (349), pp. 194–196. (In Russian)
- Malofeeva, T. V. (2002) Kraevedcheskij material na urokakh anglijskogo yazyka [Local history material in English lessons]. *Inostrannye yazyki v shkole — Foreign Languages at School*, no. 3, pp. 47–52. (In Russian)
- Min'yar-Beloruhev, R. K. (1990) *Metodika obucheniya frantsuzskomu yazyku [Methods of teaching the French language]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 224 p. (In Russian)
- Vorob'ev, G. A. (2003) Razvitie sotsiokul'turnoj kompetentsii budushchikh uchitelej inostrannogo yazyka (poisk effektivnykh putej) [Development of socio-cultural competence of future foreign language teachers (search for effective ways)]. *Inostrannye yazyki v shkole — Foreign Languages at School*, no. 2, pp. 30–35. (In Russian)
- Zabrodina, I. K. (2011) Sotsiokul'turnyj komponent sodержaniya obucheniya kak odno iz sredstv povysheniya motivatsii izucheniya inostrannykh yazykov [The socio-cultural component of the learning content as one of the means to increase motivation for learning foreign languages]. *Vestnik nauki Sibiri*, no. 1 (1), pp. 630–634. (In Russian)